

Борис Беленцов

Мы в жизнь входили без опаски

Челябинск • 2019

18+

Борис Беленцов

Мы в жизнь входили без опаски

«Автор»

2026

Беленцов Б.

Мы в жизнь входили без опаски / Б. Беленцов — «Автор», 2026

Продолжение повести "Мишкино детство". В повести "Мы жизнь входили без опаски" рассказывается о судьбе входящего в самостоятельную жизнь подростка по имени Миша. События, описанные в повести, происходят в 60-х годах прошлого века.

© Беленцов Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мы в жизнь входили без опаски

Глава

*«И жизнь моя – речушка быстрая –
Вниз по теченью понесла...»
Б. Беленцов «Река моя...»*

Глава 1

ЭКЗАМЕН

Скорый поезд номер семьдесят девять «Владивосток – Харьков» прибывал на конечную станцию в шесть часов двадцать пять минут утра. Задолго до прибытия пассажиры общего двенадцатого вагона, уставшие за дорогу, проснулись, начали собирать вещи и приводить себя в порядок. Вагон наполнился детским плачем, шарканьем ног, стуком дверей и полок. В оба вагонных туалета выстроились очереди из заспанных мужчин и женщин с полотенцами на шее и верхней одеждой в руках. Те счастливики, кто уже успел умыться и переодеться, с интересом прильнули к окнам. Там просыпался огромный город: по дорогам двигались автомобили, на остановках общественного транспорта толпились люди, медленно проплывали серые многоэтажки, заводские корпуса, железнодорожные склады и пакгаузы.

Несмотря на суету, царящую в вагоне, в середине его, на багажных полках, спали три пятнадцатилетних подростка: Мишка, Юрка и Серёга. Окончив в этом году восемь классов, ребята ехали в город Харьков поступать на учёбу в техникум. Чтобы сэкономить деньги, полученные от родителей, билеты они купили до ближайшей станции и, не привлекая к себе внимание проводников, зайдя в вагон, сразу забрались на верхние полки и уснули крепким сном.

Состав, постукивая колёсами на стыках и стрелках, заходил на третий путь второй платформы станции «Харьков-Пассажирский». Молоденькая проводница шла по вагону и напоминала пассажирам о том, чтобы они не забывали вещи и не устраивали толчею в проходах. Дойдя до середины вагона, она обнаружила торчащие с третьей полки ноги в разношенных сандалях. Не поленившись подняться на ступеньку, проводница увидела сладко посапывающего во сне кудрявого подростка. Улыбнувшись, девушка со словами: «Приехали, “заяц”, просыпайся!» – потрясла за ногу мальчишку. Мишка, а это был он, недовольно дёрнул ногой и сквозь сон пробормотал: «Мам, я ещё немножко посплю». Проводница засмеялась и снова затретила подростка: «Просыпайся, приехали – Харьков!» Услышав это, мальчик открыл глаза, увидел проводницу и, видимо, вспомнив, где он находится, спросил: «Что, уже Харьков?» «Харьков, Харьков, вставай, приехали!» – ответила девушка и, снова улыбнувшись, но теперь уже Мишке, добавила: «А ты хорошенький!» – и, спустившись на пол, пошла дальше по вагону.

Окончательно проснувшись, Мишка огляделся: в купе было пусто, лишь на полке напротив, подложив под голову большую холщовую сумку, спал Юрка. Мальчик попробовал дотянуться до него, но этого не получилось. Спустившись на одну ступеньку, он так же, как ранее его будила проводница, со словами: «Вставай, приехали – Харьков!» – потряс за ногу друга. Юрка проснулся и, не понимая, где он и почему его так бесцеремонно будят, завертел головой, но, увидев своего товарища, спросил: «Где мы, Миш?» «В Харьков приехали, вставай». В этот момент в их купе вошёл спавший в соседнем Серёга. Ребята быстро собрали свои вещи и вышли из вагона.

Харьков встретил мальчишек утренней прохладой и, несмотря на ранний час, нескончаемой людской суетой, присущей всем крупным вокзалам. По громкоговорящей связи женский голос почти непрерывно объявлял о прибытии и отправлении поездов, информировал пассажиров о правилах поведения на вокзале, рассказывал об услугах, предоставляемых вокзальными службами. Никогда ранее не видевшие носильщиков в белых фартуках с алюминиевыми бляхами на груди, толкающими перед собой тележки, доверху нагруженные чемоданами, мальчишки, с удивлением открыв рты, смотрели на них. А кругом сновали люди с чемоданами, мешками, корзинами, баулами и сумками. Чтобы попасть с платформы в помещение вокзала, ребятам пришлось спуститься в подземный переход, что для них было тоже в новинку.

Сам вокзал подавил мальчишек своей красотой и мощью: стоя на мраморном полу посреди огромного зала, они, задрав вверх головы, с удивлением рассматривали вокзальный купол, подпираемый громадными мраморными колоннами и расписанный картинами военной и революционной тематики. Когда они вышли наружу, то увидели, что по обе стороны от основного здания стоят две высоких одинаковых башни. Наверху одной из них были расположены часы, а на другой герб Советского Союза. По раскинувшейся перед вокзалом привокзальной площади с лязганьем и грохотом ехали два трамвайных вагона. Вдруг из-под токосяёмной дуги трамвая посыпались искры. Это случилось так внезапно, что мальчишки от неожиданности вздрогнули. Всё вокруг было ново и пугающе необычно.

Понимая, что в такой ранний час ехать в техникум не имеет смысла, ребята, побродив по вокзалу и привокзальной площади, изрядно проголодались и решили подкрепиться. Купив каждый по три горячих пирожка с ливером (пять копеек штука) у толстой тётки, торговавшей возле вокзального входа, они отыскали на привокзальной площади лавочку, стоящую рядом с автоматами газированной воды, и, разместившись на ней, стали с аппетитом «уминать» пирожки. Закончив с ними и выпив по два стакана газировки с сиропом (три копейки стакан), сытые и довольные, пригревшись на солнышке, мальчишки задремали.

«Вам что здесь, спальный вагон?» – сквозь сладкую дрему услышали ребята чей-то голос. Открыв глаза, они увидели стоящего перед лавочкой милиционера. Расставив ноги на ширину плеч, в летней серой рубашке с галстуком, сержант милиции строго смотрел на подростков. «Вы что здесь делаете?» – спросил он, увидев, что они проснулись. Перспектива оказаться в отделении милиции совсем не входила в планы ребят, и они испуганно наперебой стали рассказывать стражу порядка, что только сегодня утром приехали из другого города поступать в техникум, ночью не выспались – присели на лавку перекусить, и сморил сон. Выслушав сбивчивый рассказ мальчишек, милиционер, показав рукой на вокзальные часы, ответил: «Так время уже девять часов, что ж вы здесь дрыхните? Дуйте в свой техникум! Кстати, на какой он улице?» «Дмитриевская, двадцать шесть!» – чуть ли не хором ответили ребята. «Ну это совсем недалеко. Сядете на трамвай “тройку” и сойдёте на пятой по счёту остановке. Это и будет улица Дмитриевская. Удачи вам!» – сержант повернулся и пошёл в сторону вокзала. Поняв, что всё обошлось, мальчишки облегчённо вздохнули и, собрав свои нехитрые пожитки, пошли на трамвайную остановку. Мишка больше всех радовался тому, что милиционер отпустил их, потому что в его кирзовой школьной сумке вместе с чистым бельём и продуктами, положенными мамой в дорогу, лежал завёрнутый в майку финский нож с наборной ручкой из плексигласа.

Нужный трамвай ждать пришлось недолго. Никогда не ездившие на таком транспорте подростки с опаской зашли в трамвайный вагон вместе с другими пассажирами. Оглядевшись вокруг, они обнаружили, что вместо кондуктора у входных дверей расположены билетные кассы. Люди подходили к кассе, в узкую щель бросали деньги за проезд, а затем, покрутив чёрную ручку, отрывали билеты. Мальчишки, посчитав, что пять остановок можно проехать бесплатно, билеты покупать не стали, а прошли и сели на сиденья в конце вагона. Покинув привокзальную площадь, трамвай вскоре повернул налево и выехал на широкую улицу, плотно застроенную красивыми зданиями, в которых располагались магазины, рестораны, столовые и закусочные. На зданиях висели красочные вывески, одни из них были написаны на русском языке, а другие на украинском. Вывески на украинском мальчишкам показались смешными. Они тыкали в них пальцами и, прочитав, громко смеялись. Ребята так увлеклись этой игрой, что чуть было не проехали свою остановку.

Техникум нашли быстро, он оказался в ста метрах от трамвайной остановки. Судя по архитектурным излишествам на фасаде, здание техникума было построено ещё до революции. Отворив массивные дубовые двери, подростки оказались в просторном фойе с мраморными полами и вычурным высоким потолком. В глубине фойе стояли три стола, за ними сидели две

женщины средних лет и седовласый мужчина. На стене над ними был прибит лист ватмана с надписью «Приёмная комиссия». Робея от важности момента, мальчишки подошли к столам.

Члены комиссии по очереди стали знакомиться с документами подростков и задавать им вопросы. Больше всего спрашивал седовласый мужчина, как потом оказалось – председатель комиссии. И, судя по его вопросам, ребята поняли, что их родной городок, откуда они приехали, по его словам, имел дурную славу. Наконец седовласый, посоветовавшись с женщинами, с тяжёлым вздохом принял у мальчишек документы. После этого секретарь приёмной комиссии, симпатичная блондинка, выдала им направления для заселения в общежитие на время сдачи экзаменов и подробно рассказала ребятам, как и на чём доехать до их временного жилища. Радостные от того, что у них всё так удачно складывается, подростки покинули учебное заведение.

Если техникум был расположен почти в центре города, то общежитие было в другом районе, и до него нужно было добираться общественным транспортом. Пропустив три автобуса, ребята с горем пополам втиснулись в набитый под завязку людьми четвёртый. Доехав до нужной остановки, мальчишки, потные, взъерошенные и сердитые, выбрались наружу и пошли искать общежитие.

Поплутав по узким улочкам, они в глубине квартала, застроенного потемневшими от времени кирпичными зданиями, наконец нашли то, что искали – трёхэтажный мрачный дом с давно нематыми окнами. Это и было общежитие, или в просторечье – общага. При входе в общагу сидел вахтёр – седой старик с красным, как помидор, лицом. Тут же на первом этаже находился кабинет коменданта. Комендантом оказалась строгая не улыбающаяся женщина. Выдав мальчишкам постельное бельё, она, сняв ключ с доски вахтёра, вместе с подростками поднялась на второй этаж, показала им комнату и рассказала правила проживания в общежитии. Когда комендантша ушла, ребята заправили кровати и завалились спать.

Проснулись мальчишки, когда солнце по небу прошло большую часть своего дневного пути. Очень хотелось есть, и они, вспомнив, что каждому из них родители положили в дорогу что-то съестное, стали доставать из сумок припасы. Сало, варёные яйца, картошка в мундире, огурцы, помидоры и хлеб были у всех; кроме того, у Юрки в холщовой сумке оказалась завернутая в промасленную бумагу жареная курица. Разложив продукты на стол, застланный газетой, подростки уселись вокруг него. Потом Мишка достал «финку» и пополам разрезал курицу. Юрка, чтобы удостовериться, не испортилась ли она, понюхал обе половинки и дал добро: «Налетай, пацаны!» Мальчишки тут же набросились на еду, крепкие белые зубы начали перемалывать куриное мясо, яйца, помидоры и огурцы. Насытившись, они убрали со стола и пошли искать, где помыть руки.

В одном конце коридора был расположен санузел (душевая и туалет), а в другом – кухня. На кухне они увидели разделочный стол, две газовых плиты, раковину с латунным краном, а в шкафчике стояла посуда: чайники, кастрюли, эмалированные кружки и чугунные сковородки. Это ребят очень обрадовало. Помыв руки, они тут же налили воды в чайник и поставили его на огонь. В шкафу нашлась будто для них кем-то оставленная полупустая пачка грузинского чая, а в стеклянной банке на донышке был сахар. Попив чайку, они ушли в комнату и, хотя комендантша говорила, что в комнате курить нельзя, упав на кровати, – закурили.

Так как до первого экзамена оставалось два дня, мальчишки стали думать, чем занять это время. Хотелось многого: посетить цирк, зоопарк, сходить в кино и просто посмотреть город, но все желания ограничивались денежными возможностями. Подросткам нужно было как-то прожить эти четыре-пять дней: есть, платить за проезд в транспорте и ещё оставить денег на обратный билет. День уже подходил к концу, в общежитии сидеть не хотелось, и они решили погулять по той улице, по которой ехали на трамвае. И заодно где-нибудь купить заварки и сахару, чтобы утром и вечером можно было в общежитии попить чаю. Ну и, если получится, отыскать в районе техникума дешёвую столовую.

В автобусе, как и в трамвае, вместо кондуктора тоже стояли кассы, но стоимость проезда была выше – пять копеек. Пассажиров в салоне было мало, и, когда мальчишки, проехав одну остановку, не купили билетов, водитель, то и дело посматривающий на них в зеркало заднего вида, попросил их оплатить проезд. Подросткам ничего не оставалось, как выполнить эту просьбу. Посматривая в окошко, мальчишки замечали и запоминали дорогу и достопримечательности, попадавшиеся на пути. Не доезжая одной остановки до техникума, у проходной какого-то завода они увидели вывеску «Столовая» и справедливо посчитали, что в ней будет удобно и дёшево обедать.

Улица, по которой ездили трамваи, называлась именем революционера Якова Свердлова, она была прямой, как стрела, длинной и шумной. В одну сторону, насколько хватало глаз, улица уходила вдаль и поднималась в гору. В другую – там, где по всем признакам был центр города, упиралась в высокое здание. Посоветовавшись, подростки пошли в сторону центра, по пути рассматривая вывески, витрины и попадавшиеся на их пути красивые старинные дома. Сравнивая названия магазинов на украинском языке и товар, выставленный в витрине, ребята осваивали незнакомый им язык. Легко было догадаться, что надпись «взуття» над магазином в витрине которого стояли ботинки, означала «обувь», а если на вывеске написано «человечий одяг» и продают мужские костюмы, то «мужская одежда». Двигаясь прогулочным шагом, мальчишки всё ближе и ближе подходили к высокому зданию в конце улицы, но внезапно дома по обеим сторонам закончились, и они оказались у моста через речку, по ширине своей не превосходящей Валуй. Но, в отличие от Валуя, вода в речке была мутной, а на поверхности воды плавали радужные пятна.

На противоположном берегу, на набережной, по обе стороны от моста ребята рассмотрели два зелёных сквера, а за ними виднелась широкая площадь. Высокое здание, которое они видели издалека, оказалось стоящим на площади Центральным универмагом. Уставшие от пешей прогулки, мальчишки перешли через мост и углубились в сквер. Выбрав лавочку подальше от посторонних глаз и присев на неё, они закурили. От переполнявших их впечатлений кругом шла голова, а от пешей прогулки гудели ноги. Сперва все молчали, переваривая впечатления, потом Мишка нарушил тишину: «Пацаны, я придумал, как можно сэкономить на проезде. За три билета нам нужно в трамвае заплатить девять копеек. А кто проверит, сколько мы опустили в кассу? Бросил три или две копейки и оторвал три билета. А “зайцем” ездить не стоит – контролёры могут поймать». На том и порешили.

От речки веяло прохладой, вокруг были чистенькие асфальтовые дорожки, зелёные газоны, на которых росли липы с раскидистыми кронами: в сквере ребятам очень понравилось. Посидев полчаса, они решили, что пора возвращаться в общежитие. Выйдя на площадь, мальчишки купили в продуктовом магазине сахар и чай, а в киоске, где продавали сувениры, колоду игральных карт. Дождавшись сдвоенного трамвая, они вошли во второй вагон. Ещё стоя на остановке, подростки договорились, что билеты будет отрывать Мишка. Он заранее приготовил две копейки и крепко зажал их в потной руке. Поднявшись в вагон, в душе понимая, что совершает нехороший поступок, подросток опустил монетки в кассу и торопливо оторвал три билета. Оглядевшись по сторонам и увидев, что никому из пассажиров до него нет дела, он, радостный оттого, что всё получилось удачно, прошёл к друзьям, стоящим на задней площадке. Такой же трюк с билетами мальчишки проделали и в автобусе.

До общаги подростки добрались засветло и без приключений. Но там их ждал сюрприз – ключа от их комнаты на вахте не оказалось. Вахтёр объяснил мальчишкам, что к ним заселили ещё одного абитуриента. Значения слова «абитуриент» ребята не знали, но спрашивать у краснолицего старика постеснялись. Поднявшись на второй этаж, они обнаружили, что их комната изнутри заперта на ключ. Прижавшись ухом к двери и не услышав никаких звуков, Мишка тихонько постучал. Ответа не последовало. Он постучал громче – никаких изменений. И, только когда ребята втроём стали барабанить, дверь отворилась. На пороге стоял смуглый

черноволосый, похожий на цыгана заспанный подросток. «Ты, что ли, абитуриент?» – спросил его Юрка. «Не, я Дмитро Мовчан», – ответил мальчишка. «Что ж ты, Дмитро Мовчан, не открываешь? Полчаса уж стучим», – строгим голосом спросил Мишка. «Спав я, хлопцы! Намаывая у дороги и спав!» – ответил Дмитро. «Ну ладно, на первый раз тебя простим», – сказал Серёга, и ребята, оттеснив Мовчана, зашли в комнату.

После прогулки по городу они изрядно проголодались, организм требовал восстановить потраченные силы, и мальчишки первым делом сели трапезничать. Пригласили к столу и абитуриента, но он отказался и, развязав узелок с едой, устроился отдельно от ребят на тумбочке. После еды закурили и стали расспрашивать нового соседа, кто он и откуда взялся. Рассказывал про себя он неохотно, видимо, стеснялся сельского происхождения. Ребята с трудом, но выяснили, что он из Полтавской области, в большом городе оказался впервые и сегодня сдал документы в приёмную комиссию. Мальчишки сказали соседу, что звать его будут Митей, а прозвище у него будет Абитуриент. И пусть он на это не обижается – так его назвал вахтёр.

Спать было ещё рано, и, чтобы скоротать время до сна, пацаны сели поиграть в карты. Распечатали новую колоду, пригласили в игру и Митю, тот согласился. Сперва играли в «дурака», а потом Серёга, подмигнув Мишке, сказал: «Пацаны, надоел уже “дурак”, давай в “очко” по копеечке сыграем!» «Давай!» – поддержали Юрка и Мишка. Дмитро, сославшись на то, что не умеет играть – отказался. Но подростки рассказали ему, что игра лёгкая, он быстро научится, мол, поиграем для начала на спички, а уже потом, если он захочет, можно и на деньги, и Митя сдался. Ребята быстренько объяснили ему правила, раздали карты, и игра началась.

Играть в «очко» Абитуриент действительно научился быстро, уже через пятнадцать минут он, как заправский игрок, подражая пацанам, говорил: «Ещё одну карту. Себе. Иду на банк». И, честно говоря, ему, как и всем новичкам, здорово везло – горка выигранных спичек росла возле Мити после каждого круга. Он оживился, заблестели глаза, чувствовалось, что паренёк входит в азарт. После того, как почти все спички скопились возле Мити, а у других игроков осталось всего по несколько штук, тот окончательно поверил, что фортуна повернулась к нему лицом и сам предложил: «А давайте, хлопцы, на гроши сыграем, по пять копеек на банк!» Пацаны переглянулись. «Что ж, на гроши, так на гроши! Поехали!» – ответил за всех Мишка. Поставили на банк по пять копеек, и игра началась.

Первым банкывал Серёга. Юрка пошёл на десять копеек и проиграл. Следующим играл Митя, в банке было тридцать копеек, и он их выиграл. Потом банкиром стал Юрка, и опять Митя снял с кона двадцать копеек. Выиграв за две минуты пятьдесят копеек, он повеселел, и то ли от волнения, то ли от радости на его смуглых щеках заиграл румянец. Очередь банкывать перешла к нему, и снова фортуна была на его стороне – снял с кона пятьдесят копеек. Наступила Мишкина очередь быть банкиром. И тут случилось неожиданное: вместо того, чтобы положить в банк, как все, пять копеек, он положил пятьдесят. Потом тщательно перетасовал карты и дал сдвинуть колоду Абитуриенту. Когда тот сдвинул, то Мишка, незаметно повернув боком колоду, увидел, что внизу лежит десятка. Бросив всем по карте, он зажал колоду в левой руке так, как его учил когда-то Валерка Буркин и переместил лежащую под низом десятку назад. Серёга и Юрка оба сыграли на банк, и у обоих оказался перебор. Теперь на кону было два рубля шестьдесят копеек. Митины глаза зажглись алчным светом. Ни секунды не колеблясь, он пошёл на всё. Банкир бросил ему карту. Открыв её, Митя сказал: «Играй себе». Перевернув карту, лежащую перед ним, и увидев, что это десятка, Мишка ловко выкинул сдвинутую им десятку. «Двадцать – банкирское очко! Ваши не пляшут!» – сказал он. Алчный огонёк угас в глазах Дмитро; вскрыв свои карты он показал, что у него тоже двадцать. Так как сумма в банке утроилась, то Мишка объявил «стук». Раздав всем по карте, он в точности повторил предыдущий номер, то есть, скосив глаза, увидел, что под низом лежит бубновый туз, и отодвинул его назад. Подыгрывая банкиру и поднимая ставки, Серёга и Юрка пошли на банк и

оба проиграли. Теперь на кону стояли громадные деньги – десять рублей сорок копеек. Чёрные цыганские Митины глаза вновь запылали алчным огнём. Он долго думал, как ему быть, но, видимо, уверивши, что фортуна на его стороне, а прошлый проигрыш был случайным, да и карта на руках, наверное, была хорошая, решился. «На всё! Давай одну карту», – осипшим от волнения голосом сказал Дмитро. «А у тебя есть, чем расплатиться?» – вкрадчиво спросил Мишка. «Есть», – Митя достал из кармана две измятые пятирублёвки. Посмотрев протянутую банкиром карту, задумался. «Давай ещё одну», – после долгих раздумий сказал он. «Видимо, к десятке или тузу пришла мелочь», – подумал Мишка и, вытащив сдвинутого назад туза, протянул ему. Увидев туза, Абитуриент изменился в лице – вместо розового оно стал серым. «Ну, что там у тебя? Что ты застыл, говори?» – почти одновременно спросили Серёга и Юрка. «Перебор», – чуть слышно ответил Митя. – «Хлопцы, як же так? Шо теперь робить?» «Шо робить? Проиграл – деньги гони», – сказал Серёга. Дрожащими руками Митя достал десять рублей и положил на стол. «Ну что, ещё поиграем, или отбой?» – спросил Мишка, сгребая деньги со стола. «Чаю попью, и спать», – ответил Юрка.

На следующий день мальчишки проснулись, когда солнце, поднявшись уже довольно высоко, заглянуло к ним в комнату. Единственные часы, старенькая «Победа», были у Юрки, и он, посмотрев на них, оповестил, что уже десять часов утра. Ребята, выйдя умываться, с удивлением обнаружили, что общежитие, ещё вчера казавшееся пустым, забурлило жизнью. В коридоре они встретили не только своих сверстников, но молодых людей значительно старше себя, на кухне были слышны голоса и звон посуды, а за дверями других комнат раздавался смех. Впрочем, это всё было понятно – завтра предстоял первый вступительный экзамен, и поступающие из других городов приезжали в Харьков.

Просмотрев свои продуктовые запасы, на завтрак решили пожарить картошку на сале. Митя, видимо, переживая свой вчерашний проигрыш, с утра не произнёс ни слова. Чтобы как-то поднять ему настроение, пригласили к столу. Немного поломавшись, он согласился. За завтраком решили сходить в зоопарк – посмотреть на зверей. Позвали с собой и Абитуриента, он поначалу, сославшись на отсутствие денег, отказался, но мальчишки уломали его, пообещав, что проезд в транспорте, билеты в зоопарк, а также мороженое и обед в столовой за их счёт.

Время уже перевалило далеко за полдень, когда ребята, узнав у вахтёра, как добраться до зоопарка, покинули общежитие. Зоопарк был расположен в центре города, на территории парка имени Тараса Шевченко. До него добрались довольно быстро и без приключений. В автобусах и трамваях мальчишки уже не озирались по сторонам, а уверенно подходили к кассе и, опустив две-три копейки, отрывали четыре билета. Внимания на них никто не обращал. Пока добирались до зоопарка увидели много интересного: вечный огонь, планетарий и несколько красивых церквей.

Купив билеты и мороженое эскимо на палочке, ребята пошли бродить по зоопарку. Он занимал огромную территорию, а уж сколько на этой территории проживало зверей и птиц, сосчитать было невозможно. Сначала подходили к каждому вольеру и клетке, подолгу рассматривали животных, читали таблички, но, поняв, что до закрытия они не смогут осмотреть и половины, решили подходить только к тем животным, возле которых толпилось много людей. Больше всего времени не менее часа мальчишки провели у клеток с обезьянами. На них можно было смотреть до бесконечности: приматы кривлялись, строили рожицы людьми и выделяли всякие смешные номера. Народ, собравшийся у клеток с обезьянами, тоже гримасничал и строил рожицы, но уже обезьянам. И люди, и их ближайшие родственники, глядя друг на дружку, заливались смехом. Погуляв по зоопарку и вдоволь насмотревшись на животных, мальчишки изрядно проголодались и пошли искать, где бы поесть.

Время было уже вечернее, ехать в заводскую столовую, которую они видели в районе техникума, было бессмысленно, есть в кафе дорого, и поэтому ребята остановились на пирожках. На выходе из зоопарка, на их счастье, рядом с мороженым продавали горячие пирожки;

подростки, купив по четыре штуки на брата, устроившись на лавочке, за считанные минуты съели их.

Чтобы не заблудиться, назад возвращались той же дорогой. Когда вышли на площадь, где был расположен Центральный универмаг, то на город опустились сумерки и зажглось уличное освещение. Было очень тепло, и Юрка предложил: «Пацаны, давай посидим на лавочке в сквере у реки, вечер такой тёплый!» Мишка его тут же поддержал, а Серёга и Митя, сославшись, что завтра экзамен и нужно рано вставать, решили ехать в общежитие. И мальчишки разошлись в разные стороны.

Перед тем, как идти в сквер, Мишка и Юрка, пошатавшись по площади, обнаружили в дальнем её конце подвальчик с вывеской «Вино на розлив». Переглянувшись, они решительно открыли дверь и зашли в него. В подвальчике висел плотный сизый дым, за высокими столиками расположились мужчины. По покрасневшимся лицам и оживлённому разговору было заметно, что все они были изрядно выпивши. В полутёмном углу стояли два приبلатнённых подростка со стаканами вина в руках. Увидев вошедших Мишку и Юрку, они с нескрываемым интересом стали рассматривать их. Не обращая ни на кого внимания, мальчишки подошли к прилавку и заказали по сотке белого портвейна и по конфетке на закуску. Женщина-продавец с хмурым лицом отмерила мерным стаканчиком два раза по сто граммов, положила рядом две конфетки и, подвинув всё это в сторону ребят, сказала: «С вас восемьдесят четыре копейки». Мишка вытащил из кармана выигранные у Мити две пятирублёвки и одну протянул продавцу. Выпив вино и закусив конфетками, ребята прямым ходом пошли в сквер и, усевшись на лавочку недалеко от фонаря, закурили. От выпитого портвейна по телу разлилось приятное тепло, а в голове слегка зашумело. Настроение было отличное: над головой раскинулось звёздное небо, от речки тянуло прохладой, а в сквере было безлюдно.

Вдруг, в конце аллеи возникли две тёмные фигуры, неспешно двигавшиеся в их сторону. Когда фигуры поравнялись с лавочкой, то мальчишки узнали в них приبلатнённых подростков, что были в винном подвальчике. Конечно, это могло быть чистой случайностью, что приبلатнённые оказались здесь, но, выросшие на Монастырке и воспитанные по суровым законам улицы, ребята мало верили в такие случайности и сразу насторожились. Выбросив папироску, Мишка засунул правую руку в карман и сжал наборную рукоятку финки. Приблатнённые развинченной походкой почти вплотную подошли к лавочке. Один из них, тот, что был ближе к Мишке, вытащил из кармана наган и, тускло сверкнув жёлтой фиксой, сказал: «Ну, что, колхозники, обхезались? Не бздите, вас не тронем, это гоп-стоп! Гоните филки! О! Смотри-ка, у него бочата! Сева, помоги ему расстаться с ними!» Фиксатый показал стволом нагана на Юркины часы. В первый момент, когда Мишка увидел наган, то испугался, а потом, присмотревшись, понял: «Наган не настоящий, а скорее игрушка, пробками стреляет. На понт хотят взять, гады!». Если бы он никогда не видел и не держал в руках настоящее оружие, в том числе наган, то, наверное, бы поверил. Но он и видел, и держал, и даже у него самого был когда-то пусть и ржавый, но настоящий «Парабеллум», а из чёрного воронёного «ТТ» ему давал стрелять Женька Поп за два дня до того, как самого замели на восемь лет за вооружённый налёт на инкассаторов.

Судя по поведению фиксатого, Мишка безошибочно определил, что тот главный. «Значит, нужно бить его», – подумал он и, видя, что всё внимание налётчиков сосредоточено на Юркиных часах, вытащив из кармана финку, дрожащей рукой с размаха ударил фиксатого в ягодицу. Нож, проткнув тонкие штаны и сатиновые трусы, как в масло вошёл в тощую задницу налётчика. Тот, в горячке не почувствовав боли и скорее всего не поняв, что случилось, перевёл взгляд на Мишку, но, увидев у него в руках окровавленный нож, а потом, ощутив, как вниз по ноге потекла кровь, побледнев, сказал: «Сева, он меня финкой пырнул». Сева, невзрачный прыщавый подросток в кепке-восьмиклинке, отпустив Юркину руку, растерянно посмотрел на своего кореша. Юрка, воспользовавшись замешательством прыщавого налётчика, не вста-

вая со скамейки, ударил его справа в челюсть. Устояв от удара, Сева развернулся и со всех ног побежал в темноту. Его дружок, с ужасом смотревший на окровавленный нож в руках Мишки и обнаружив, что он остался один, тоже развернулся и, прихрамывая на левую ногу, попытался скрыться, но Юрка, который вскочил со скамейки, подставил ему подножку. Уронив своё оружие, фиксатый рухнул на землю. Мишка встал со скамейки и поднял револьвер, он действительно был игрушкой, стрелявшей пробками. Внутри у подростка всё дрожало от напряжения, и он понимал, что, пока никого нет, нужно срочно уходить, но просто так уходить было нельзя. Пнув ногой фиксатого, он спросил: «Ну что, сявка, лаве есть? Гони быстро, не заставляй меня шмон устраивать». Налётчик, встав на колени, вытащил из кармана три рубля с мелочью. Мишка сунул деньги в карман, дрожащими руками вытер нож об штаны фиксатого и сказал: «Час лежи и не вставай, падла. Встанешь – вернёмся и зарежем». И, когда он это говорил, верил, что так и сделает. Потом они с Юркой нырнули в темноту и побежали со всех ног в сторону трамвайной остановки.

До общаги пацаны добрались за десять минут до того, как краснолицый вахтёр закрыл её двери на замок. Запуская в здание подростков, он, посмотрев на них, сказал: «Отчаянные вы хлопцы, по ночам шатаетесь. Здесь Холодная гора – бандитский район, раздеть могут». Юрка с Мишкой, посмотрев на вахтёра, которому они уже давно дали прозвище Помидор, в ответ усмехнулись и скромно промолчали.

Перед тем, как заснуть, Мишка долго ворочался и думал, а правильно ли он сделал, что ударил ножом фиксатого, но, как он ни крутил, получалось правильно: если бы он не ударил, то налётчики оставили бы их без копейки денег в чужом городе и среди чужих людей. И как бы им пришлось выкручиваться из этого, он представить не мог. Сделав такой вывод, подросток уснул крепким здоровым сном.

Утром следующего дня, хоть ребята и проснулись в шесть часов, общежитие гудело, как растревоженный улей. В умывальник стояла очередь, а на кухню пробиться было просто невозможно. Чтобы не испытывать судьбу и не опоздать на экзамен, назначенный на десять утра, мальчишки решили позавтракать в заводской столовой, что присмотрели в квартале от техникума.

Меню, висевшее на входе в столовую, приятно шокировало ребят: суп стоил восемь копеек, котлета – десять, а любой гарнир к ней пять; если взять компот или молоко, то вполне можно уложиться в тридцать копеек. Сытно позавтракав, подростки, довольные жизнью, пешком пошли в техникум.

В учебном заведении царила экзаменационная суета: нарядные юноши и девушки сновали по лестницам вверх и вниз и спрашивали друг друга о том, где будут принимать экзамены. Особо впечатлительные раскрывали душу каждому встречному-поперечному, как они волнуются по этому поводу. Так как время ещё позволяло, мальчишки побродили по техникуму; переходя с этажа на этаж, они заглядывали в аудитории и лаборатории. Всё им очень понравилось, и после этой экскурсии им ещё сильнее захотелось учиться в этом учебном заведении.

Вступительных экзаменов сдавали два, и первый был сочинение – проверка знаний по русскому языку и литературе. По поводу экзаменов Мишка нисколько не волновался – писать сочинения он умел и любил. А математику в пределах восьмого класса знал просто замечательно. Ближе к девяти часам утра фойе и коридоры техникума были полностью забиты молодыми людьми возрастом от пятнадцати до двадцати пяти лет. Девчонок среди них было очень мало, что очень удивило подростков.

В фойе, на входе в здание, там, где была раньше надпись «Приёмная комиссия», теперь вывесили списки с фамилиями поступающих и номерами аудиторий, в которых они будут сдавать экзамены. Поискав глазами в списках себя, ребята обнаружили, что Юрка, Серёга и Митя сдают экзамены в аудитории номер двадцать четыре, а Мишка – двадцать шесть.

Без десяти десять стали приглашать на экзамен. Мишку, так как его фамилия начиналась на «Б», вызвали четвёртым. Экзаменуемые сидели за столами по одному, а на написание сочинения было отведено полтора часа. Когда аудитория наполнилась, всем раздали по четыре сшитых вместе тетрадных листа с печатью учебного заведения на первой странице и по два листика на черновики. Предложенных для сочинения тем было три, а так, как они полностью совпадали с темами школьных экзаменов, то Мишка, недолго думая, выбрал ту, что писал два месяца назад в школе – «Образ России в произведениях русских классиков». Не раздумывая ни одной минутки, он быстренько набросал на черновике основные тезисы сочинения и уже через сорок минут без спешки и суеты переписал всё на чистовик. Закончив, он с интересом незаметно для преподавателя стал рассматривать сидящих в аудитории ребят. В основном это были его ровесники мальчишки и девчонки, но среди них было несколько молодых людей, которым далеко за двадцать. В частности, прямо перед ним сидел одетый в клетчатый пиджак мужчина с обширной плешью на голове, тщательно скрываемой зачёсанными сбоку редкими волосами. Неожиданно для Мишки этот мужчина повернулся к нему и указал пальцем вниз. Посмотрев под стол, Мишка увидел лежащий на полу лист бумаги; подняв его, он прочитал: «Помоги. Тема “Павка Корчагин, как герой нашего времени”». Тема была лёгкая, и подросток, быстренько набросав на черновик всяких идеологических штампов и лозунгов, бросив испи-санный с обеих сторон листок под стол соседа, и тихонько толкнул его в клетчатую спину. Затем поднялся, сдал экзаменатору свою работу и пошёл курить на улицу.

После экзамена мальчишки, посоветовавшись, решили первым делом сходить пообедать в столовую, а затем съездить на вокзал и узнать расписание поездов на завтра. Завтра они должны были сдавать второй устный экзамен, а также узнать итоги сегодняшнего, и, независимо от того, будут они положительные или отрицательные, в любом случае можно будет уехать домой.

На привокзальной площади царила суета: подъезжали и отъезжали автобусы, трамваи и такси, из них выходили нагруженные чемоданами, баулами и корзинами пассажиры, а другие пассажиры с чемоданами, баулами и корзинами, наоборот, заходили в автобусы, трамваи и садились в такси. Подростки, за три дня привыкнув к шуму и городской скученности людей, ничему этому уже не удивлялись и, выскочив из трамвая, сразу отправились искать расписание движения поездов. Недолго побродив по вокзалу, они нашли его рядом с билетными кассами. Собственно, поездов, которыми можно было добраться до дома, было два, и оба скорых – «Одесса – Новосибирск» и «Харьков – Владивосток». Первый отправлялся в два часа дня и прибывал в их городок в шесть пятнадцать вечера, а второй – в шесть тридцать вечера и прибывал в одиннадцать ночи. Решили, что завтра будут ориентироваться по времени: на какой успеют, на том и поедут.

По приезде в общежитие, когда мальчишки поднялись на свой этаж, первый, кто им встретился, был Мишкин знакомый в клетчатом пиджаке. Увидев подростка, он заулыбался и, взяв его за руку, отвёл в сторону. «Хочу тебя поблагодарить за помощь, и давай познакомимся. Жень», – он протянул мальчишке руку. «Миша», – ответил тот. Потом возникла неловкая пауза. Чтобы продолжить разговор, Мишка решился задать мучивший его весь день вопрос: «Слушай, Жень, а как так получилось, что вместе с нами, восьмиклассниками, поступает много людей старше нас? Вот ты, например». «А, вот ты про что. Мы все с производства. Я, к твоему сведению, восемь классов десять лет назад окончил. Потом на монёра связи в училище учился два года. И восемь лет работал монёром. Вот теперь решил в техникум поступить. Только не знаю, экзамены сдать получится или нет? Но шанс есть – нас принимают вне конкурса, все понимают, что школьную программу мы забыли».

Утром следующего дня ребята, собрав свои вещи, сдали постельное бельё и комнату коменданту общежития, после этого, плотно позавтракав в заводской столовой, пошли в техникум. Как и вчера, экзамен начинался в десять часов. Сдавали математику устно. В отличие

от предыдущего дня, в аудиторию одновременно заходили по десять человек, брали экзаменационные билеты и по мере готовности отвечали.

Мишка зашёл в первой десятке, взял билет, назвал его номер. Сел за свободный стол и стал готовиться. В билете было три вопроса: два по алгебре и один по геометрии. Мишка, посидев и подумав над ответами, через пятнадцать минут был готов отвечать, но оказалось, что не только он хорошо знает математику в объёме восьмилетней школы. Первой вышла к доске невысокая девчонка с русыми волосами, собранными на затылке в тугой узел. После того, как она отбарабанила свой билет, её место занял худенький светловолосый подросток. Когда он ответил на все вопросы, к доске вышел Мишка. Через пять минут, получив за математику четвёрку, он, радостный, покинул аудиторию.

Дожидаясь своих друзей, Мишка, потолкавшись среди желающих поступить, узнал, что проходной балл на отделение «Проводная связь» – восемь и тех, кто сдал оба экзамена на четыре, примут в техникум без вопросов; и, хотя он был уверен, что за сочинение ему поставят не меньше четвёрки, всё равно волновался. Вскоре в коридор выскочили друг за другом радостные Юрка и Серёга. «Сдал! Четвёрка!» – были первые слова каждого из них. Теперь мальчишкам осталось узнать, примут их в учебное заведение или нет, и можно со спокойной душой ехать домой. Ждать списков пришлось долго. Только в четыре часа дня в фойе вышла секретарь приёмной комиссии и повесила их на доску объявлений. Мальчишкам повезло, что они в этот момент находились рядом с доской, так как через несколько минут фойе заполнилось до предела людьми, и к спискам пробиться было уже невозможно. Мишка, отыскав свою фамилию, с облегчением выдохнул: «Поступил!» Поступили в техникум и его друзья. До отправления поезда оставался час, и ребята, чтобы не опоздать, помчались на вокзал.

Ближайшая станция, на которой останавливался поезд, называлась Чугуев, и билет до неё в общем вагоне стоил девяносто копеек. Купив билеты до этой станции, подростки стремглав понеслись на четвёртую платформу, где уже стоял их поезд. Двенадцатый вагон находился почти в самом конце. Предъявив билеты проводнице, стоящей у входа, друзья поднялись в вагон и пошли искать свободные места. Проходя мимо служебного купе проводников, Мишка услышал, как кто-то из купе сказал: «Вот так встреча! Глазам своим не верю! Неужели опять это ты, кудрявенький?» Подросток повернул голову и увидел молоденькую проводницу, что будила его в то утро, когда он с друзьями приехал в Харьков. На лице девушки одновременно отражались радость и удивление. Она широко улыбалась, а в её глазах бегали озорные чёртики. Мишка, посмотрев на неё, в свою очередь улыбнувшись сказал: «Привет!» «Что, опять “зайцем” собираешься ехать?» – лукаво спросила проводничка. «Нет, билет есть до Чугуева», – ответил подросток. «А дальше как?» «Дальше видно будет», – стараясь не ударить лицом в грязь перед девушкой, храбрился Мишка. «Хочешь, дам совет? Обычно ревизоры садятся в Харькове, до Купянска они успевают проверить билеты в поезде и там выходят. Как только выедем из Харькова, идите в ресторан – там они билетов не проверяют. А после Купянска возвращайтесь назад – сегодня ночью я дежурю. Кстати, меня Леной зовут, а тебя как?» «Миша», – ответил паренёк и пошёл искать друзей.

Чтобы не подвергать себя риску, ребята решили последовать совету Лены и, как только поезд вырвался за город, пошли в вагон-ресторан. Он находился в середине поезда, и, чтобы попасть в него, мальчишкам пришлось пройти через четыре вагона. Один из них был такой же, как и у них – общий, а три других – купейные. Подростков поразила разница между вагонами. Если в общем все были на виду и, проходя через него, можно было увидеть плачущих детей, выпивающих или играющих в карты компании и даже наткнуться на чьи-то торчащие с верхней полки в рваных носках ноги, то в купейном двери в купе в большинстве своём оказались закрыты, а в длинном коридоре лежала красивая ковровая дорожка. Единственное, что объединяло эти вагоны, – тамбуры, где было не продохнуть от табачного дыма и не протолкнуться

от курящих мужиков. Наконец ребята, преодолев лязгающий сцепкой, наполненный стуком колёс и свистом ветра очередной переход между вагонами, добрались до ресторана.

Никто из мальчишек никогда в своей жизни не бывал в таких заведениях, поэтому в ресторан они заходили с опаской. Но оказалось, что опасаться нечего, а, наоборот, стоящая за стойкой женщина, увидев их, сказала: «Заходите, ребята, не стесняйтесь». Приободрившись таким приёмом, подростки вошли и заняли столик в середине зала. Посмотрев меню, они, прикинув свои возможности и сопоставив их со своим аппетитом, заказали каждому по салату, отбивной котлете с гарниром, бутылку белого портвейна и три нарзана. В ресторане, кроме них, не было никого, и мальчишки в ожидании заказа, освоившись, удобно откинулись на спинки стульев, а увидев на столе пепельницу, закурили. Заказ пришлось ждать долго, и за это время зал постепенно наполнился посетителями, а вместе с ними и шумом, звоном посуды и табачным дымом. Торопиться подросткам было некуда, и они, как настоящие прожигатели жизни, лениво потягивали вино и курили папироски. Приблизительно через час-полтора через вагон-ресторан прошли два ревизора, одетые в форму железнодорожников. Поначалу, увидев их, ребята несмотря на хмель в голове, немного испугались: «А вдруг начнут проверять билеты?» Но ревизоры, не задерживаясь, прошли через зал, и мальчишки проводив их взглядом, облегчённо вздохнули: «Пронесло!» Когда за окном проплыл вокзал с надписью «Купянск», подростки, весёлые, чуть хмельные и довольные, что всё так удачно складывается, покинули ресторан и возвратились в свой вагон.

Оставшуюся часть дороги до дома, почти два часа, Мишка просидел в купе с Леной. Они пили чай, сидя напротив друг друга. Купе было узким, и под откидным столиком Мишкины колени постоянно касались круглых коленок девушки, и от этих касаний подростка почему-то бросало в жар и чаще стучало сердце. Ему казалось, что он делает что-то неприличное и Лене это неприятно, но, к его удивлению, она не делала по этому поводу никаких замечаний, а так же, как и Мишка, при каждом прикосновении краснела и смущалась.

Девушка рассказала, что она окончила второй курс железнодорожного техникума, живёт в пригороде Харькова, а на летних каникулах решила поработать проводником в стройотряде. За каникулы она уже в третий раз едет во Владивосток. В свою очередь, Мишка поведал о себе, где он живёт, зачем они с друзьями ездили в Харьков, про свои впечатления от города, и о том, как они сдавали экзамены. Единственное, что он утаил от Лены, это как они обыграли в карты Митю и их с Юркой приключение в сквере. Узнав, что Мишка будет учиться в её родном городе, девушка обрадовалась и тут же написала на листке бумаги свою фамилию, имя, домашний адрес, телефон и номер группы, в которой учится и взяла с подростка слово, что он обязательно её найдёт в сентябре. Расстались они друзьями.

На вокзал Мишка с Юркой не поехали, а, попрощавшись с Серёгой и Леной, сошли на Сортировке и уже через полчаса Мишка стучал в двери родного дома. Несмотря на то, что было уже довольно поздно, мама как будто чувствовала, что должен приехать младший сын. На его стук двери распахнулись почти мгновенно, и Мишка, не дожидаясь вопроса, сказал: «Поступил, мам! Всё хорошо!» Мама обняла сына, и слёзы радости упали на щеку подростка. На душе у Мишки было светло и тепло, он поступил в техникум, познакомился с замечательной девчонкой, а главное, что он вернулся домой, на Монастырку. Жизнь продолжалась.

Глава 2

ДЕЛА ПАЦАНСКИЕ

Утром следующего дня Мишка проснулся оттого, что кто-то теребил его кудри. Открыв газа, он увидел, что завитушками волос на его голове играет серый котёнок. Засмеявшись, подросток легонько толкнул котёнка, и тот прыгнул на пол. В комнате было тихо и прохладно, не так, как в харьковской общежитии, где в коридоре чуть ли не с шести утра начинали ходить, шуметь и звенеть посудой люди. «Как всё-таки хорошо дома!» – сладко потянувшись, подумал мальчик. «Но, с другой стороны, в общежитии тоже хорошо. Сам себе хозяин». «Придумал тоже, в общежитии хорошо. Ты вспомни, никто не позаботится, никто не накормит, а дома проснулся – не успел встать, а тебя уже за стол зовут. Вот где хорошо», – ехидно возразил ему другой голос. «Тебе бы только пожрать, хорошо – оно разное. Так что и тут хорошо, и там тоже», – мысленно ответил своему оппоненту Мишка и, откинув одеяло, вскочил с кровати.

Несмотря на то, что на дворе уже была середина августа, лето уходить не собиралось. День обещал быть жарким, что очень обрадовало Мишку. «Поем и пойду на мельницу. Все пацаны там, наверное», – решил он. Мама, увидев, что сын проснулся, застелила клеёнкой стоящий во дворе под развесистым клёном стол и поставила на него большую тарелку, на которой горкой лежали ещё горячие пышные оладьи. Рядом с тарелкой, как на скатерти-самобранке, возникли блюдечко со сметаной и чашка дымящегося какао. После этого мама села на скамейку напротив сына и, подперев щеку рукой, с любовью смотрела, как он с аппетитом уплетает оладьи. «Ты бы рассказал, как вы съездили, где жили Как экзамены сдал, где питался? Небось, голодным ходил, денег-то мало я тебе дала. Да и где их взять, денег-то?» «Всё нормально, мам, всё хорошо. Жили в общежитии, питались в столовой заводской – дёшево и сытно. Не переживай, денег хватило. Экзамены на четвёрки сдал – оба, и Юрка тоже на четвёрки», – не переставая жевать отвечал Мишка. Съев последний оладышек, он вылизал языком с блюдечка остатки сметаны и, допив какао, сказал: «Спасибо, мам, вкусно очень! Я побежал на речку!» «Беги, беги. Там тебя уже заждались. Спрашивали про тебя Вовка Сыч и Лёнька Сычёв, когда приедешь. Трёх дней без тебя прожить не могут дружки-приятели!»

На мельнице, к удивлению Мишки, никого из друзей не было. На мосту сидело несколько рыбаков, а ниже по течению, на песочке, купалась малышня. Немного подумав, где могут быть его приятели, подросток пошёл вдоль речки на луг, и там, на берегу напротив школы, увидел всю компанию. Усевшись кружком, пацаны играли в карты. Здесь были все: Вовка Чепок, Вовка Сыч, Лёха Сычик, Юрка Фриц и ещё несколько мальчишек помладше – всего человек шесть. Как только они увидели Мишку, радостно загалдели: «Гля, пацаны, студент нарисовался!» «Такие люди и без конвоя!» «Смотри-ка, живой вернулся!» Увидев такой тёплый приём, Мишка, растянув в улыбке губы, поднял руку и сказал: «Привет бродягам! Поздравьте – поступил!» Друзья опять радостно загудели: «Молодец!» «Кто бы сомневался!» Они, потеснившись, освободили место для него, и он включился в карточную игру. Как всегда, больше всех не везло Юрке Фрицу; его крупный нос, который пацаны прозвали рубильником, был уже красный, как морковь. За игрой обсудили все новости. Главной темой было то, что вчера, отбыв срок, из тюрьмы пришёл Валерка Буркин. Никто из них Валерку ещё не видел, и всем хотелось посмотреть, изменился он или нет. Кроме того, ребята увлечённо делали прогнозы, сколько времени Буркин на этот раз пробудет на свободе. Большинство сходилось на том, что не больше года. Другую новость рассказал Сычик: оказывается, два дня назад по соседству с ним поселились на квартиру приехавшие работать штукатурами в СМУ четыре девчонки. По словам Лёхи, девчонки были симпатичные и не особо отягощённые нравственными принци-

пами. Он уже с ними познакомился, а с одной – Танькой, до полночи «зажимался» на лавочке, и она ему позволяла лазать во все запретные места. Все Мишкины друзья были старше его, им всем исполнилось по семнадцать лет, но Мишка точно знал, что у никого из них с девчонками ещё ничего такого, что бывает между мужчиной и женщиной, не было, и, хотя каждый знал об этом всё в мелочах и подробностях, несмотря на это, пацаны открыв рот, с интересом слушали Сычика. Только Чепок, которому шёл уже двадцатый год снисходительно, посмеиваясь, смотрел на них сверху вниз.

Мишка, только вчера приехавший из Харькова, заскучал по друзьям, которых он знал с детства, и четыре дня, проведённые вдали от них, воспринимались, как сон. Ему казалось, что он никуда не уезжал отсюда. Поэтому парнишка, боясь, что друзья его могут засмеять, ничего не стал рассказывать им о приключениях в городе, но то, что рассказывали они, внимал с большим интересом. Слушая их, он даже простил, что они старше его, и всегда раньше уходят в жизнь и больше знают о ней. Подросток чувствовал себя равным среди равных, а сейчас даже в чём-то испытывал превосходство. Никто из сидевших рядом с ним пацанов, никогда не выезжал за пределы городка, а он был в Харькове и, мало того, не ударил в грязь лицом – сумел себя защитить. К тому же перспектив у его приятелей поступить куда-нибудь учиться не было никаких, разве что только у Юрки Фрица. Вовка Сыч, так и не окончив восемь классов, бросил вечернюю школу и пошёл работать учеником слесаря в вагонное депо. Лёха Сычик тоже не захотел учиться даже в вечерней школе. Оставив её, он в настоящее время по этому поводу постоянно ссорился с отцом, иногда их ссоры даже переходили в драки. И Вовка, и Лёха с нетерпением ждали призыва в армию, надеясь, что это может как-то изменить их жизнь. Правда, у Сыча родители были более-менее обеспечены и могли содержать неработающего сына, но Лёхе Сычику надеяться было не на кого, и где он брал деньги на папиросы, вино, а в последнее время на модные туфли и брюки, для всех окружающих оставалось секретом. Хотя для его друзей никакого секрета не было – все знали, что Сычик, в одно время сойдясь с Женькой Попом, – воровал. И только по счастливой случайности не загремел в тюрьму вместе с ним за налёт на инкассатора. После того, как Попа осудили на восемь лет, Лёха воровать не перестал. Он мог обобрать пьяного мужика – вывернув ему карманы и забрав получку, или у приехавшего на рынок зазевавшегося колхозника вытащить из кармана кошелек. У Юрки Фрица были другие планы. Его старший брат Славка уже давно жил и работал на Донбассе, и Юрка собирался уехать к нему и поступить в училище.

Поиграв в карты, ребята решили искупаться. На удивление Мишки, вода в Валуе была очень тёплой. После купания Сычик сказал Вовке Сычу: «Ну что, ты не передумал наколку делать?» Вовка ответил: «Перстень на средний палец левой руки». «Ты же хотел крест, обвитый змеей, на ноге?» «Передумал», – ответил Сыч. Мишка тоже давно хотел себе сделать наколку и теперь с интересом вслушивался в их разговор. Небрежно, как само собой разумеющееся, он спросил у Сычика: «А у тебя есть картинки, что будете колоть? Покажи». Лёха вытащил из кармана брюк лист бумаги, вырванный из ученической тетради в клеточку. На листе были нарисованы несколько перстней разной геометрической формы с расходящимися от них синими лучами, а также могила с крестом, обвитым пятнистой змеей. Рисунок могилы с крестом Мишке понравился. Поколебавшись, он сказал: «Лёха, вот это мне наколешь на ноге?» «Сделаю», – ответил тот. «И ещё перстень», – добавил Мишка.

Первому кололи Вовке Сычу. Лёха достал пузырёк чёрной туши, две связанных ниткой иголки и химический карандаш. Послунявив его, он нарисовал на верхней фаланге среднего пальца левой руки Сыча ромбовидный перстень с шестью отходящими от него лучами. Потом, крепко сжав Вовкину руку, окунул иголки в тушь и вонзил их в палец Сыча. Тот скривился от боли, но промолчал. Когда кольцо вытащил иголки, то из прокола пошла кровь. Смешиваясь с тушью, она приобретала красно-чёрный цвет и текла по руке. Наколов ромб и колечко, Сычик вытер кровь с рисунка, и хотел продолжить работу, но Вовка вдруг сказал: «Хватит, больше

не коли». «Дело твоё», – ответил Лёха. «Мишка, ты не передумал», – спросил он. «Нет», – ответил подросток. «С чего начнём?» – спросил кольщик, потуже обматывая ниткой швейные иголки. «Перстень», – лаконично ответил Мишка.

Протянув руку Сычику, он отвернулся, чтобы не смотреть, как чёрно-красная жидкость капает с его пальца. Когда Лёха нанёс первый укол и иголки проколов кожу, уткнулись в костяшку фаланги, Мишка понял, почему Сыч отказался колоть лучи – больно. Сцепив зубы и стараясь не отражать свои эмоции на лице, подросток терпеливо переносил экзекуцию. Сычик, окончив колоть перстень и полюбовавшись своей работой, спросил: «Лучи колоть будем?» «Обязательно», – сквозь зубы ответил Мишка. Наколку лучей он перенёс стойчески – закурился папироску, демонстративно пуская в воздух кольца дыма.

Могилу с крестом кололи под пристальными взглядами пацанов. Они, окружив место ритуального обряда, смотрели, как Лёха, нарисовав на Мишкиной ноге картинку, более-менее похожую на ту, что была на тетрадном листке, приступил к работе. Картинка была большая, и Лёха, боясь, что кровь зальёт её до того, как он закончит колоть, торопливо тыкал своим инструментом в Мишкину ногу. Если на пальце иголки упирались в кость, то на ноге они проникали глубоко в мышцу, и боль от каждого укола была ещё сильнее, а когда на пути попадался нерв, то становилась просто невыносимой, но вокруг стояли друзья, и приходилось терпеть.

Наколов крест и змею, обвивающую его, кольщик, так как уже не видел рисунка, вынужден был остановить работу. Когда он вытер с Мишкиной ноги кровь, смешанную с тушью, то пацаны ахнули. Крест получился кривой, а змея была похожа скорее на толстого дождевого червяка. Мишка, увидев такое, чуть не заплакал. Посмотрев с ненавистью на Лёху, он сказал: «Ты что, гад, сделал? Не можешь – не берись. Это же на всю жизнь!» Тот в ответ виновато развёл руками, мол, ошибся – бывает. Внутри Мишки бушевали два чувства: ненависть к другу и обида на него, и, вложив эти чувства в кулак, он ударил его в подбородок. Удар был такой силы, что Лёха упал как подкошенный.

Пацаны вокруг одобрительно загудели, а Сычик, оправившись от удара, вскочил и бросился с кулаками на Мишку. Но тут неожиданно, на правах старшего, вмешался Вовка Чепок: «Лёха, остынь! Ты же ему шкуру попортил! За такие дела отвечать нужно!» На слова Чепка пацаны опять одобрительно загудели. Сычик, увидев, что поддержки у него нет, сквозь зубы выдавил из себя: «Не прав я. Согласен». Инцидент вроде бы был исчерпан, но в душе оба подростка затаили обиду друг на друга. Единственное, что хоть как-то успокаивало Мишку, это то, что неоконченную картинку не было видно под длинными «семейными» трусами.

Настроение у него было испорчено; кроме того, распух и покраснел палец, на котором вытатуировали перстень, то же самое было и с ногой. Идти домой, пока не стемнеет, не было никакого желания – мама, конечно, сразу увидит перстень на пальце и очень расстроится. Нужно было как-то умудриться сделать так, чтобы она не заметила наколку хотя бы до того времени, пока не сойдёт краснота и опухоль, а когда всё сойдёт, то можно будет обвести синими чернилами, а потом он уедет в Харьков.

Выкупавшись и наловив раков, а также накопав за речкой на Асеевских огородах картошки, ребята, подкрепившись, остаток светлого времени провели на лугу, играя в футбол и карты. Под вечер, когда начали донимать комары и все засобирались домой, Чепок неожиданно сказал: «Пацаны, кто хочет хорошо подзаработать?» «А что за работа?» – спросил Вовка Сыч. «Вагон с углём выгрузить для котельной пивзавода. Платят пятьсот рублей. Нужно человек семь, восемь», – ответил Чепок. Ребята промолчали – вагон угля – это не шутка – шестьдесят тонн! На том и разошлись.

По дороге домой мысль, что можно заработать, не выходила из Мишкиной головы. Денег всегда не хватало, об этом постоянно говорила мама. Да и сам он прекрасно понимал, что поношенную фуфайку, в которой он ходил в школу, в Харькове носить стыдно, а значит, нужно покупать или шить пальто. Кроме того, нужны туфли, зимние ботинки, брюки, пиджак и хотя

бы пара рубашек. А на межсезонье плащ или куртка и ещё много всяких мелочей: шарф, шапка, перчатки, носки, майки, трусы. Задумавшись об этом, Мишка снова с завистью подумал о старшем брате: ему при поступлении в училище всё обмундирование выдало государство. И Коле не нужно было ломать голову над тем, как и во что одеться. В уме разделив пятьсот рублей на восемь человек, он получил шестьдесят рубликов на брата. Это были хорошие деньги, больше, чем мамина пенсия за два месяца! И уже у самого дома он решил: «Пойду выгружать уголь!» На следующий день он сказал об этом Чепку.

Вагон с углём для котельной прибыл на подъездной путь маслозавода через два дня. К этому времени Вовка Чепок сформировал бригаду грузчиков из восьми человек. В неё вошли: сам Вовка Чепок, Юрка Фриц, Вовка Сыч, Мишка и ещё четверо ребят с Новой Монастырки (так называли улицы, примыкающие к вагонному депо). В этой бригаде грузчиков Мишка был младше всех.

Совковые лопаты и брезентовые рукавицы пацанам выдал пивзавод; кроме того, на бригаду дали лом и кувалду. К разгрузке угля приступили в девять утра. С чего начинать, никто из новоиспечённых грузчиков не знал. Все смотрели на Чепка и ждали его указаний. Тот взял кувалду, подошёл к вагону и ударил по защёлке, удерживающей люк. После двух ударов она с лязгом освободила правую сторону люка. Чепок перешёл на левую сторону и начал колотить кувалдой по второй защёлке. Вся тяжесть угля давила только на неё и поддавалась она с большим трудом. С каждым ударом кувалды защёлка по сантиметру сползала с люка и, когда Вовка врезал в очередной раз, тот открылся, и из вагона хлынул уголь. Чепок еле успел отпрыгнуть в сторону. Когда открыли все люки, уголь, высыпавшись под вагон, завалил рельсы и шпалы. В воздухе повисла густая угольная пыль. Грузчики, взявшись за лопаты, приступили к работе.

Трудились поначалу споро, с шутками и прибаутками. Пацаны гребли уголь лопатами из-под вагона и сбрасывали его вниз, под откос. Работа казалась не такой уж и тяжёлой, но уже к двенадцати часам дня задора поубавилось, заныли мышцы, а сами грузчики стали похожи на негров. Кроме того, утром солнце было невысоко, и тень от вагона спасала ребят от его лучей, а когда оно оказалось в зените, пацанам, несмотря на то, что они работали полуголыми, стало жарко. Грязными ручейками солёный пот стекал по телу и лицу и попадал в глаза и рот. Глаза от него слезились, а на зубах скрипела угольная пыль. Пыль проникала в бронхи и лёгкие, поэтому, когда мальчишки кашляли и сплёвывали, слюна была чёрной, а в груди было ощущение, что кто-то драл внутри наждачной бумагой. В два часа решили сделать перерыв: пообедать и искупаться в речке, благо она была недалеко. Перед тем как идти купаться, Чепок, цепляясь за скобы, поднялся по борту вагона наверх и, заглянув в него, сообщил, что большую половину угля они выгрузили, но осталось ещё много.

В речке плескались долго. Кусок хозяйственного мыла, найденный на берегу под листом лопуха, очень пригодился – угольная пыль въелась в поры и отмывалась плохо. Водные процедуры сняли усталость, и, выбравшись из речки, пацаны опять почувствовали себя полными сил, хотя работать им совсем не хотелось. Но делать было нечего, как говорится, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Перекусив, ребята пошли разгружать вагон.

И снова лопаты, уголь и пыль. К восьми вечера, несмотря на рукавицы, у всех грузчиков были кровавые мозоли на руках. Уставшие до изнеможения, грязные, похожие на шахтёров, выехавших после смены из шахты, сцепив от боли зубы, пацаны уже при свете уличного фонаря заканчивали разгрузку вагона.

Идти мыться на речку не было ни каких сил, но, пересилив себя, ребята всё-таки пошли. На берегу никого не было, и они, сбросив всю одежду, включая трусы, попрыгали в воду. На их удивление, вода оказалась теплее, чем днём. С трудом нашли предусмотрительно спрятанный в обед обмылок и, смыв им угольную пыль и накупавшись, пацаны разошлись. Домой Мишка пришёл почти в полночь. Ужинать и отвечать на вопросы мамы он не стал, а сразу, упав на кровать, мгновенно уснул.

На следующий день Мишка спал почти до обеда, а проснувшись и пошевелив руками и ногами, почувствовал, как невыносимо болят все мышцы. Встать не хотелось, хотелось полежать, но, вспомнив, что Вовка Чепок говорил, что после обеда нужно подойти на пивзавод и получить деньги, – поднялся и вышел во двор.

День был солнечный, а возле летней печки стояла мама. Увидев сына, она обрадованно всплеснула руками и сказала: «Слава богу, встал, я уж думала, не заболел ли ты? Садись, покупай, я блинов напекла. Ты же любишь со сметанкой. Бабы из Фурцовки на базар несли продавать, я свеженькой купила». Блины со сметаной Мишка любил и без долгих уговоров уселся за сколоченный из досок и покрытый клеёнкой стол. Мама, поставив блины и сметану, уселась напротив сына. «Где же ты вчера был? С утра ушёл, а пришёл уже ночью, грязный, даже ужинать не стал». «Уголь разгружали с пацанами, мам. Нам же деньги нужны? А где их взять? А тут как раз работа подвернулась, вот я и решил – пойду поработаю», – уплетая блины за обе щёки, отвечал Мишка. «Да как же так, что ж ты со мной не посоветовался? Эта работа не всякому мужику под силу, надорваться смолоду хочешь?» – запричитала мама. «Мам, ты бы меня не пустила. Да и вообще... Что случилось со мной? Жив, здоров и денег заработал», – Мишка торопливо затолкал в рот последний блин и вылез из-за стола. «Куда опять собрался?» – спросила мама. «Пойду на речку помоюсь, грязный я. Дай мне мыло», – ответил сын.

На мельницу идти не хотелось, и Мишка решил зайти к Вовке Сычу узнать, дома ли он, а так как огород Сыча выходил к речке, заодно и искупаться. Узнав у Вовкиной бабушки Марианны, что внук ещё спит, Мишка будить его не стал, а спустившись к речке, разделся и начал мыться. Когда он смыл с себя вчерашнюю грязь, понырял, поплавал и уже собирался уходить, подошёл заспанный Вовка и тоже полез в воду. Пока друг купался, Мишка сидел на берегу, курил и размышлял, что он хотел бы купить себе на заработанные деньги. Изломав всю голову, он так и не пришёл к решению, что купить. Хотелось многое, но ему, не избалованному обновлениями и в большинстве случаев донашивающему одежду за старшим братом, даже в мыслях было тяжело представить, что можно купить на пятьдесят рублей. Десятку из заработанного он решил оставить себе на карманные расходы.

К пивзаводу они с Сычом подошли в два часа дня. Возле его конторы в полном составе стояла компания вчерашних грузчиков во главе с Вовкой Чепком. Они курили и о чём-то оживлённо беседовали. Мишку и Вовку Сыча пацаны встретили возгласами: «Ну, наконец-то! Мы вас уже заждались!» Ребята гурьбой зашли в здание и в полутёмном коридоре выстроились в очередь к забранному металлической решёткой окошку кассы.

Ждать пришлось недолго, минут через пять окошко открылось, и грузчики, расписавшись в ведомости, получили каждый по шестьдесят рублей, а Чепок, как бригадир – восемьдесят. Радостные и довольные, сразу забыв, какой ценой им достались эти деньги, пацаны покидали контору пивзавода.

Ещё вчера вечером, после разгрузки угля, они договорились, что если получат деньги, то такое событие нужно будет отметить. И сегодня, помня об этом, ребята, не сговариваясь, двинули в сторону столовой маслозавода.

Зайдя в обеденный зал, пацаны придвинули друг к другу два стола и, взяв по две кружки пива на брата, расположились за ними. Был разгар рабочего дня, в столовую постоянно заходили взрослые мужики в замасленных спецовках и женщины в синих рабочих халатах, они с удивлением и осуждением смотрели на пьющих пиво ребят. Под их взглядами пацанам стало неуютно, и, посоветовавшись, они решили купить вина и закуски и уйти за речку, на луг, подальше от посторонних глаз. Быстренько допив пиво, ребята покинули заведение.

Сбросившись по два рубля, грузчики разделились – трое: Чепок, Фриц и Сыч пошли в магазин за вином и закуской, а остальные напрямик за речку на луг. Мишка, когда проходил мимо своего дома, незаметно отстал от всех и, забежав к себе во двор, на всякий случай спрятал под стреху сарая пятьдесят рублей, предназначенных на покупки.

Придя на берег, развели костёр и, пока ждали ушедших в магазин, наловили и испекли в раков. Гонцы пришли радостные, принесли полную авоську белого вина, хлеб, колбасу, плавленые сырки «Дружба» и консервы «Килька в томате». стакан был один – пили по очереди. Тёплое вино пахло гнилыми фруктами, и протолкнуть его вовнутрь удавалось с большим трудом. После первого стакана в голове у пацанов зашумело, и они оживились.

Домой Мишка пришёл, когда уже стемнело. Хмель из него почти выветрился, но чувствовал он себя плохо – изо рта несло перегаром, тошнило и болела голова. Из десяти отложенных на личные расходы рублей в кармане остался только рубль с мелочью. Куда исчезли остальные деньги, он не помнил. Да и вообще он многое не помнил из того, что было на берегу, и от этого на душе было тревожно. Успокаивало и радовало лишь то, что он предусмотрительно отложил и спрятал пятьдесят рублей. Забрав из-под стрехи деньги, Мишка постучал в дверь.

Мама открыла почти сразу, как будто поджидала под дверью, когда он постучит. Стараясь не дышать, Мишка проскользнул в комнату. Быстро сбросив с себя одежду, он нырнул под одеяло. Когда мама вошла в комнату и спросила, будет ли он ужинать, Мишка, притворившись, что спит, ничего не ответил.

На следующий день он отдал заработанные пятьдесят рублей маме, а ещё через два дня они поехали на автобусе в центр городка и купили Мишке вполне приличный костюм, чёрные туфли и две рубашки в клеточку. Жизнь продолжалась.

Глава 3

ГОСТИ

Всему приходит конец, подошло к концу и лето. До первого сентября оставалось совсем немного, и Мишка с тоской думал, что скоро ему придётся покинуть родной дом и уехать в Харьков. По сути дела, не просто перебраться в другой город, а начать новую жизнь. Мысли в его кудрявой голове путались и насакивали друг на друга: с одной стороны, ему хотелось поскорее окунуться в эту жизнь, а с другой – она его пугала, как и всё неизведанное. В конце концов, рассердившись на себя, он махнул рукой и подумал: «Что я так переживаю? Не первый я и не последний! Всё будет хорошо».

Посоветовавшись с Юркой, чтобы было время устроиться в общежитии, осмотреться и хотя бы немного обжиться, решили ехать за два дня до начала учебного года. Мама, складывая в чемодан вещи сына, пригорюнилась и сказала: «Ну, вот и последний уезжает. Одна остаюсь. Все разлетелись». Мишка, видя, что она вот-вот расплачется, подошёл к ней, обнял (что делал очень редко) и сказал: «Мам, не переживай. Я буду приезжать».

Уезжали подростки тем же поездом «Владивосток – Харьков», что и в прошлый раз, только теперь в руках у каждого было по небольшому чемодану из фибры с блестящими никелированными замочками. До Харькова, несмотря на то, что ехали без билетов, добрались без приключений. В техникум было ещё рано, и ребята, сдав вещи в автоматические камеры хранения, присели на скамейку в зале ожидания и задремали.

Когда они к девяти часам утра прибыли в учебное заведение, то, к их удивлению, там уже было полно народу. В вестибюле первого этажа висело много объявлений, но их заинтересовали только два: «Иногородним учащимся первого курса для получения направления в общежитие обращаться к заместителю директора по хозяйственной части в кабинет № 22», и второе: «Учащимся первого курса собраться на общее собрание в актовом зале тридцать первого августа в девять часов утра».

В кабинет к заместителю директора стояла довольно длинная очередь из молодых людей разного возраста и пола. Очередь двигалась медленно, и только через полтора часа, получив направления, ребята забрали вещи из камеры хранения и поехали искать общежитие. Та, в которой они жили, когда сдавали вступительные экзамены, оказывается, была женской, а мужская находилась в том же районе, но несколько дальше.

Выбравшись из автобуса, подростки сразу увидели общежитие. Новое пятиэтажное кирпичное здание располагалось на пустыре и на фоне стоящих поодаль от него покосившихся частных домиков казалось небоскрёбом. Вокруг общежития зеленели травкой газоны, а от автобусной остановки к нему вела широкая асфальтированная дорога. Вдоль дороги были высажены деревья и стояли фонари уличного освещения.

При входе в общежитие, откинувшись на спинку стула, дремал вахтёр – седой опрятный старичок. От стука входной двери он встрепенулся и, увидев ребят, сделал строгое лицо, затем скрипучим голосом сказал: «Предъявите документы!» Подростки достали направления и протянули вахтёру. Тот, протерев носовым платком очки, долго рассматривал бумаги, вертел их так и этак. Чувствовалось, что ему доставляет удовольствие получить пусть небольшую, но власть над людьми. Ребята терпеливо ждали. Наконец старичок, не обнаружив никаких изъянов и подделок в документах, с явным сожалением возвратил их подросткам и сказал: «Вам к коменданту, направо по коридору. Она у себя».

Дверь в кабинет коменданта общежития была открыта настежь. За столом сидела симпатичная, довольно молодая русоволосая женщина. Подняв глаза на ребят, она, улыбнувшись, спросила: «Новенькие?» Пробежав глазами их документы, открыла толстый журнал и, полистав его, сказала: «У нас учащихся селят по группам. А так как вы из разных групп, то двое

будут жить в двести двадцать четвёртой комнате, а третий – в двести двадцать пятой». Подростки попытались объяснить, что они из одного города, одной школы и даже учились в одном классе и им бы хотелось поселиться вместе, но комендантша была непреклонна: «Таковы правила, и нарушать их я не могу».

Получив постельное бельё и одеяла, а также обнаружив, что на доске у вахтёра отсутствуют ключи под нужными номерами (значит, там уже кто-то живёт), ребята поднялись на второй этаж. Друзей порадовало то, что комнаты двести двадцать четыре и двести двадцать пять располагались напротив друг друга. Мишка, подавив волнение в душе, постучал в двери своего нового жилища. На стук мужской голос ответил: «Открыто, входите!» Решительно распахнув дверь, подросток вошёл вовнутрь помещения, в котором с этой минуты до конца учебного года ему придётся жить. В комнате стояли три койки, три тумбочки, стол, три стула и шкаф для одежды. Через огромное наполовину стены окно, на котором не было ни штор, ни занавесок, открывался унылый вид на пустырь, а за ним виднелись скособоченные домишки частного сектора.

Две расположенные у окна койки были заправлены. На одной из них сидел голубоглазый блондин примерно одного с Мишкой возраста, на другой – высокий широкоплечий парень лет двадцати с тёмно-русыми волосами. Они с интересом рассматривали Мишку. А тот, внимательно оглядевшись, подошёл к третьей кровати, на которой лежал только полосатый матрац, положил на неё постельные принадлежности, рядом на пол поставил чемодан. И только потом, повернувшись к своим соседям, представился: «Миша. Буду жить вместе с вами». Блондин сказал, что его зовут Толя, а высокий парень назвался Василием. Пока Мишка заправлял постель, ребята разговорились, и выяснилось, что Толик приехал в Харьков из той же области, что и Мишка, только из другого района, а Вася родом из Винницы, но до поступления в техникум окончил училище и три года отработал на производстве.

В девять часов утра следующего дня все первокурсники (около двухсот человек) собрались на общее собрание в актовом зале. Заведующий учебной частью поздравил их с началом учебного года, рассказал историю техникума, его достижения и успехи, а в конце своей речи с гордостью сообщил, что выпускники учебного заведения трудятся по всей стране на самых грандиозных стройках. После этого ребята разбились по группам и разошлись по своим аудиториям.

В Мишкиной группе из двадцати девяти человек десять были девчонки, и этим она выгодно отличалась от других, в остальных группах слабого пола не было вообще. Это обстоятельство очень понравилось подростку. Начитавшийся романтической художественной литературы, он считал, что присутствие прекрасного пола в мужском коллективе воспитывает у мужчин галантность, благородство и ответственность.

Почти треть группы (восемь человек) были «производственники». Всем им было далеко за двадцать, и на фоне пятнадцатилетних мальчишек и девчонок выглядели они довольно солидно: у некоторых проглядывали лысины, а двое носили пышные усы. Увидев их, Мишка сразу вспомнил вечернюю школу, где он, вместо своего друга Вовки Сыча, писал контрольные работы. Там тоже в одном классе обучались вчерашние школьники и желающие получить среднее образование уже работающие люди разного возраста.

В целом группа Мишке понравилась, но сразу не понравился классный руководитель. Звали его Виктор Васильевич – он был отставной военный, и от него за версту пахло казармой. За время общения со своими подопечными классный руководитель ни разу не улыбнулся, ни разу не пошутил. Он знакомился с группой, как старшина с новобранцами – называя каждого по фамилии, заставлял вставать из-за стола и рассказывать о себе: кто он, откуда приехал и где проживает в настоящее время. Из его опроса Мишка узнал, что большинство в группе приезжие, только три человека (два паренька и девочка) жили в Харькове, и ещё два подростка – в пригороде.

Закончив знакомиться со своими подопечными, Виктор Васильевич долго и нудно рассказывал о правилах поведения учащихся в техникуме и общежитии. Он страшил ребят наказаниями за ещё не совершённые поступки и плохую успеваемость. В конце сказал, что за первый курс учащиеся техникума должны пройти программу девятого и десятого классов средней школы, а это значит, что на первом курсе никаких специальных предметов им преподавать не будут. Наконец, продержав ребят почти два часа без перерыва, классный руководитель отпустил их.

Спустившись в вестибюль, чтобы изучить расписание на неделю, Мишка нос к носу столкнулся с Вовкой Насачом, с подачи которого он и Юрка и поступили в этот техникум. На Монастырке Насач проживал с ними на одной улице и был одноклассником Мишкиного брата Коли. Вовка, как и все четверокурсники, только возвратился с полугодовой производственной практики. Увидев Мишку и узнав, что тот поступил на учёбу, он очень обрадовался.

С первого сентября наступили учебные будни. Занятия в техникуме в отличие от школы были в одну смену, а на преподавание каждого предмета вместо одного урока отводились два – пара. Каникулы были два раза в году – зимние и летние. Учебное время между каникулами называлось семестром, и после каждого семестра учащиеся сдавали экзамены, а по итогам экзаменов назначалась стипендия. В первом семестре учащиеся первого курса получали стипендию все без исключения. Пусть это были и небольшие деньги – семнадцать рублей, но для ребят хорошее подспорье. И многие умудрялись на них прожить месяц.

Те, кто поселился в общежитии, завтрак и ужин готовили сами. Благо почти все жили недалеко от Харькова и на выходных, смотавшись домой, привозили картошку, сало, куриные яйца и другие продукты; к тому же на первом этаже общаги работал буфет и в нём всегда можно было купить булочки, пирожки, молоко и кефир. Ну а обедали почти все в столовой. Кто в студенческой, что располагалась в цокольном этаже техникума, кто в заводской. И там, и там цены были довольно низкие и всегда можно было сытно поесть на пятьдесят копеек. Но, справедливости ради стоит сказать, в заводской готовили вкуснее, и большинство ребят старались харчеваться в ней.

К учёбе и жизни в общежитии Мишка адаптировался быстро. С соседями по комнате у него сложились дружеские отношения. Светловолосый Толик в первый выходной день съездил домой, привёз картошку, сало и семиструнную гитару. Выяснилось, что он прекрасно владел этим музыкальным инструментом, в его руках гитара оживала, смеялась, плакала и рыдала; кроме того, Толя имел приятный голос и знал много популярных песен. И теперь они с Васей, у которого тоже был замечательный баритон, частенько устраивали концерты под гитару. Вечерами в комнате было весело и шумно.

Мишка, который всегда мечтал научиться играть на гитаре, не пропускал ни одного концерта; он внимательно следил за руками гитариста и думал: «Я должен научиться играть». И однажды, решившись, попросил Толика показать ему самые простые аккорды. Тот отнёсся к его просьбе с пониманием, и теперь Мишка, как только выдавалась свободная минутка, а в комнате никого не было, учился брать на гитарном грифе «звёздочки» и «лесенки». Но обучение шло туго: пальцы не хотели сгибаться, струны выскальзывали из-под них, и очень редко получалось взять нужный аккорд. После таких упражнений болели подушечки пальцев на левой руке, но Мишка упрямо, снова и снова, невзирая на боль, брал гитару и продолжал свои музыкальные эксперименты.

Сентябрь перевалил через свою середину, но лето уходить не хотело: погода стояла тёплая, листья на деревьях были зелёные, а цветы на клумбах продолжали радовать глаз. В субботу учебные занятия окончились в три часа дня, впереди был выходной, и Мишка, спускаясь по лестнице на первый этаж, прикидывал, чем бы заполнить воскресенье. В его голове уже не в первый раз проскакивала мысль, что неплохо бы разыскать Лену – проводницу, с которой он познакомился месяц назад в поезде «Харьков – Владивосток». Размышляя об этом,

он открыл тяжёлую входную дверь и вышел на улицу. «Завтра разыщу её!» – твёрдо решил Мишка. Остановившись на крыльце, подросток вдохнул полной грудью пряный сентябрьский воздух и огляделся по сторонам: небо было синее, солнце ласковое, по улице шли нарядно одетые люди. «Какая погода! Сейчас бы домой, на Монастырку! Пацаны, наверное, ещё в речке купаются», – подумал он, спустившись с крыльца. Размышляя о том, как замечательно сейчас дома, подросток направился в сторону автобусной остановки. Задумавшись и не замечая ничего вокруг, Мишка не сразу сообразил, что это его окликнули со скамейки, мимо которой он проходил. Повернув голову на оклик, он не поверил своим глазам: на лавочке сидели брат Коля и Вовка Сыч. «Совсем зазнался студент, брата родного не узнаёт», – сказал, широко улыбаясь, Вовка. Встреча была до того неожиданной, что подросток на какое-то время потерял дар речи. «Вы откуда здесь взялись?» – наконец выдавил он из себя. «Откуда, откуда. От верблюда! К тебе в гости приехали! Ты что, не рад?» – опять ответил Сыч. «Рад, рад! Как я рад! Сейчас только думал про вас. Ну, рассказывайте, как вы сюда попали?», – опомнившись, затараторил Мишка и, поздоровавшись с братом и другом, уселся рядом на скамейку. «Как попали? На поезде приехали. На крыше. С ветерком добирались к тебе в гости. Видишь, какие чумазы?» – Сыч помахал руками перед лицом друга. Руки от копоты и угольной пыли действительно были грязные, а когда подросток хорошо присмотрелся, то и на лице Вовки увидел чёрные угольные точки. Рассмотрев Сыча, Мишка перевёл взгляд на брата: «А ты что молчишь? Ты же в Луганске должен быть?» «В отпуск я приехал, а тебя дома нет. Вот решили с Вовкой провести. Узнать, как поживаешь. Заодно и Харьков посмотреть. Да и потом, кто знает, когда увидимся, наверное, в армию скоро заберут», – ответил Коля. «Надолго приехали?» – спросил подросток. «Завтра хотим обратно. Переночевать найдёшь где?» – поинтересовался брат. «Придумаем, что-нибудь», – успокоил его Мишка. Хотя что можно придумать? Единственное место, где в огромном городе он сам мог переночевать, было общежитие. Но там посторонних не пускали, и пытаться провести Колю и Вовку в общежитие шансов не было. «Есть хотите?» – спросил Мишка. «Живот к спине прирос», – ответил Вовка. «Тогда сделаем так. Сейчас пойдём в столовую, “порубаем”. Потом решим, что дальше делать. Деньги-то есть?» – спросил Мишка. «Есть», – ответил Коля.

В заводской столовой ребята тщательно вымыли руки и умылись. Правда, полотенца там не было, и вытираться пришлось собственными рубашками. За обедом Мишка предложил съездить в центр и, если получится, сходить в зоопарк. А уже потом как-то решать проблему с ночлегом.

На их счастье, до закрытия зоопарка оставалось ещё два часа, поэтому они, купив билеты, пошли знакомиться с его обитателями. Ни Коля, ни Вовка до этого в зоопарке никогда не были, и Мишка, побывавший в нём единственный раз, с видом человека, искушённого жизнью, уверенно повёл их к обезьянам. Возле обезьяньих клеток толпился народ. Люди бросали в клетки фрукты, булочки и конфеты. Конфеты, повертев в лапах и развернув обёртку, приматы отправляли в рот, к фруктам подходили разборчиво, что-то ели, что-то с пренебрежением бросали. Вовка Сыч поднял валявшееся на земле надкушенное яблоко и бросил в шимпанзе. Обезьяна ловко поймала его, повертела в лапах и, скривившись, запустила в Вовку. Тот, пригнувшись, еле увернулся от летящего ему в голову фрукта. Насмотревшись на обезьян, покорчив им рожи и насмеявшись так, что болели животы, пацаны до закрытия погуляли по парку и посмотрели на других зверей. После этого направились в общагу, по дороге купив в гастрономе две бутылки портвейна, колбасы, плавленых сырков и рыбных консервов. Мишка, уже наловчившийся ездить «зайцем» в общественном транспорте, обеспечивал бесплатный проезд всей компании. Он без зазрения совести подходил к кассе и, опустив копеечку или две, отрывал три билета.

Когда ребята вышли на остановке у общежития, солнце уже спряталось за домишками частного сектора. Чтобы разведать обстановку и узнать, кто из вахтёров дежурит, Мишка,

забрав авоську с продуктами и вином, вошёл в здание. На вахте сидел седой опрятный старичок, с которым подросток познакомился, когда заселялся в общежитие. С того времени он узнал о нём много интересных вещей. Все называли старичка по отчеству – Петрович; во время войны тот служил в войсках НКВД. Петрович под настроение очень любил рассказывать, как он самолично, вот этими руками (во время рассказа он поднимал вверх и показывал всем свои маленькие сухонькие ручонки) поймал и обезвредил десять агентов абвера; за эти рассказы пацаны дали ему прозвище Абвер. Несмотря на то, что Абвер постоянно дремал на стуле у двери, пройти постороннему мимо него было невозможно. В отличие от других вахтёров, у него была отличная память, и Петрович безошибочно мог сказать, кто из ребят проживает в какой комнате. Не успел Мишка открыть рот, чтобы попросить ключ, как вахтёр сказал: «Пройди, твой дома», – и опять прикрыл веки. Подросток, перехватив авоську в другую руку, чтобы Абвер не заметил вино, прошмыгнул мимо вахты.

В комнате был Толик. Он лежал на кровати с гитарой в руках и тихонько перебирал струны. Увидев Мишку, гитарист поднялся и сказал: «Ну, наконец-то живая душа явилась, сижу один как медведь в берлоге!» «А где Васька?» – спросил подросток. «Домой поехал. А ты где был?» – в свою очередь задал вопрос Толик. «Брат ко мне с другом приехали. Гулял с ними по городу. Вот нужно их как-то на ночлег устроить. На вахте Абвер сидит, мимо него мышь не проскользнёт», – Мишка открыл окно и посмотрел вниз. Прямо под окном между первым и вторым этажами по стене была проложена окрашенная в жёлтый цвет металлическая труба. «Вот он, выход!» – пронеслась мысль в голове у него. Ничего не объяснив Толику, он чуть ли не бегом выбежал из комнаты.

Вовка Сыч и Коля сидели на корточках на углу общаги. Пробежав мимо их и завернув за угол, подросток оказался на пустыре. Отсюда как на ладони было видно всё здание. В начале его жёлтая труба выходила из земли, поднималась на уровень пола второго этажа, рядом с трубой располагалась пожарная лестница на крышу. Это значило, что, поднявшись по лестнице на нужную высоту, можно было затем перебраться на трубу, а по ней, держась за оконные карнизы, добраться до окна Мишкиной комнаты. Мишка рассказал свой план брату и другу.

Поднявшись в свою комнату, он, высунувшись из окна, махнул пацанам рукой: «Давай!» Первым полез Коля. Подпрыгнув, он ухватился за перекладину, подтянулся и забрался на лестницу. Поднявшись по ней до нужной высоты, брат осторожно перебрался на трубу. Идти вдоль окна, держась за карниз, было несложно, но в переходах между окнами карнизов не было и нужно было стоя у одного окна дотянуться рукой до другого. Мишка с замиранием сердца наблюдал, как Коля, перемещаясь от окна к окну, приближается к нему. Наконец брат ухватился за карниз окна Мишкиной комнаты, подросток протянул ему руку, и тот, перевалившись через подоконник, забрался вовнутрь. На лбу Коли обильно выступили капельки пота, а руки то ли от напряжения, то ли от страха дрожали. Теперь наступила очередь Вовки Сыча. Вовка был повыше Мишкиного брата, поэтому дотянуться от карниза до карниза ему было легче. Да и потом второму идти всегда проще, до цели он добрался гораздо быстрее Коли.

Толик с удивлением наблюдал, как через окно забрался в комнату сначала один незнакомый парень, а затем второй. А Мишка, радостный, что всё так хорошо устроилось, не дожидаясь от соседа вопросов, быстро познакомил его с братом и другом. Удачно проведённую операцию под названием «ночлег» нужно было отметить, и подросток пошёл пригласить Юрку и Серёгу на это мероприятие. В комнате ребят не оказалось, а их сосед по комнате – Генка Мурашов, сказал подростку, что его друзья пошли жарить картошку на кухню.

Кухня располагалась в середине длинного коридора и представляла довольно просторное помещение, вдоль стен которого располагались газовые плиты, разделочные столы и эмалированные раковины для мытья посуды. Как обычно, там аппетитно пахло жареным луком, салом и картошкой. На газовых плитах шкварчали сковородки, здесь же с ножами и вилками в руках толпились юные доморощенные повара. Время от времени кто-то из них поднимал

крышку своей сковороды, накалывал на вилку или нож кусочек поджаренного сала или хрустящие золотистые дольки картофеля и, обжигаясь и причмокивая от удовольствия, пробовал готовность блюда. Остальные смотрели на него, глотая слюнки.

Своих друзей Мишка увидел, как только вошёл в помещение: Юрка снимал с плиты сковороду с картошкой, а Серёга с чайником в руках поджидал его. Поздоровавшись с ними, подросток рассказал, что приехали гости с Монастырки, и это дело нужно отметить.

Через десять минут в Мишкиной комнате было весело и шумно. Ребята накрыли шикарный стол: в центре стояли две бутылки портвейна, сковородка с жареной картошечкой, яичница, колбаса и плавленые сырки, порезанные на куски, а также деликатес – две банки рыбных консервов «Ставрида в масле».

Когда выпили по первой – набросились на еду, а уж затем завязался разговор. Коля с Вовкой рассказывали монастырские новости и то, как на одной из станций, когда они добирались сюда, убегали от милиции. Мишка с Юркой, в свою очередь, – про жильё-быльё на новом месте. Толик в общих разговорах не участвовал, он сидел на кровати и тихонько перебирал струны. Налили и выпили по второй – хмель ударил в голову. Душа запросила веселья и песен. Тех песен, что исполнял под гитару Толик, пацаны не знали и поэтому они запели свои, дворовые, те, что пели на Монастырке. Гитарист быстренько подобрал аккорды под нехитрые мелодии; ребята, услышав музыкальное сопровождение, приободрились, прибавили до максимума громкости, так как они привыкли петь, маршируя ночами по улицам Монастырки. За пределы Мишкиной комнаты в коридоры харьковского общежития вырвались никогда здесь неслыханные песни «Гоп со смыком», «Журавли», «Костюмчик серенький» и другие блатные в исполнении монастырских ребят.

Время было уже позднее, и такой концерт, видимо, не очень понравился соседям. Когда пацаны вдохновенно, во весь голос распевали «Мурку», распахнулась дверь, и в комнату влетел староста Мишкиной группы, невысокий белобрысый парень по фамилии Грицун. Не обращая на него внимания, ребята продолжали хоровое пение. Староста сначала пытался что-то сказать, но, поняв, что его не слышат и не слушают, замолчал и стал терпеливо ждать, когда закончится песня. Не успели певцы закрыть свои рты, как раздался его голос: «Если вы не прекратите нарушать правила проживания в общежитии, то я вынужден буду сообщить об этом руководству!» Ему бы нужно было поговорить с ребятами по-хорошему: мол, парни, не мешайте спать, и тогда, скорее всего концерт бы на этом закончился, но Грицун выбрал другие слова и тон – стал угрожать. Пацаны, не ожидавшие такого, – опешили и молча слушали старосту. Мишка, как хозяин, боясь уронить авторитет в глазах друзей, опомнился первым. Не выпуская из рук вилку, которой он пытался дирижировать хором, подросток повернулся к старосте. «Тебя кто звал сюда, баклан? Вышел и закрыл дверь», – сказал он. И, подражая Валерке Буркину, прищутив глаза и сплюнув по-блатному на пол, Мишка с вилкой в руках пошёл на Грицуна. Староста замолчал, перевёл глаза на вилку, побледнел, попятился назад и, открыв дверь, выскочил в коридор.

Настроение у всех было испорчено, петь уже расхотелось, но, чтобы никто не подумал, что они испугались угроз, пацаны, допив вино и доев остатки закуски, спели ещё несколько песен. Перед тем, как лечь спать, убрали со стола, вымыли посуду и выбросили в урну пустые бутылки.

На следующий день был выходной, и ребята проснулись только в половине десятого. Торопиться им было некуда, поезд «Одесса – Новосибирск», на котором собирались уехать домой Коля и Вовка, отправлялся в два часа дня. Встать не хотелось, и они, потягиваясь до хруста костей, нежились в постелях. Вдруг в дверь комнаты кто-то постучал. Стук был не тихий, нерешительно-извиняющийся, как стучат соседи, чтобы попросить щепотку соли, а громкий и властный. Человек, стучавший в дверь, был твёрдо уверен, что он имеет на это право. Мишка, сразу догадавшийся, что это связано со вчерашним концертом, приложив палец

к губам, показал брату и Сычу, чтобы они одевались и уходили через окно. Стук повторился, на этот раз Мишка спросил: «Кто там?» Мужской голос за дверью ответил: «Воспитатель общежития. Откройте!». Оглянувшись на ребят и увидев, что они уже обуваются, Мишка, чтобы выиграть время, сказал: «Сейчас, оденемся». Первым через окно вылез Вовка; посмотрев вниз и убедившись, что до земли не больше трёх метров, он вместо того, чтобы двигаться к лестнице, схватился за трубу руками и прыгнул вниз. Следом за ним такой же трюк проделал и Коля. Всё это заняло считанные секунды. Толик и Мишка, успевшие за это время натянуть штаны, переглянулись и с одного взгляда поняли друг друга. Один закрыл окно, а второй пошёл впускать непрошенных гостей.

За дверью стояли староста Грицун и воспитатель общежития, невысокий толстячок, чем-то неуловимо похожий на бульдога. Воспитателя звали Алексей Степанович, в техникуме он преподавал обществоведение и по совместительству следил за моралью и нравственностью жильцов общежития. Оттеснив в сторону подростка, оба вошли в комнату. «Где они?» – спросил воспитатель. «Кто?» – вопросом на вопрос ответил Мишка. «Не валяй дурака, мы точно знаем, что в вашей комнате ночевали посторонние. Отвечай, где они?» – повысил голос Алексей Степанович. «Ищите, если знаете», – обиженно буркнул подросток. Староста, нагнувшись, заглядывал под кровати. Не обнаружив там никого, извинительно развёл руками. Воспитатель подошёл к окну, раздражённо подёргал шпингалеты и, открыв его, посмотрел вниз. «Ищи-свищи ветра в поле», – подумал Мишка и, не сдержавшись, хмыкнул.

Староста Грицун, понимая, что не только сам попал в неловкое положение, но и втянул в него Алексея Степановича, пытаясь хоть как-то оправдаться в глазах воспитателя, сказал: «Они ещё пьянствовали и песни пели непристойные. Бутылки пустые должны остаться». Он заглянул под стол, посмотрел за тумбочками и в шкафу. Но нигде ничего не нашёл и опять извинительно развёл руками. Воспитатель обвёл всех взглядом злого бульдога и сказал: «Я всё равно напишу на вас докладную руководству. А какое они примут решение – не знаю, но думаю, вам не поздоровится». Повернувшись спиной к ребятам, он вышел из комнаты, следом за ним, прикрыв за собой дверь, выскользнул староста.

Брата и друга Мишка нашёл на автобусной остановке. Так как до поезда было ещё много времени, а визит Алексея Степановича оставил всех без завтрака, то сначала решили найти место, где можно перекусить. Плотно позавтракав и погуляв по городу, на вокзал, чтобы не мозолить глаза милиции, пацаны приехали за пять минут до прихода поезда.

Скорый «Одесса – Новосибирск» прибыл на второй путь третьей платформы точно по расписанию. День был тёплый и солнечный, поэтому Коле и Вовке Сычу повезло, билеты можно было не покупать, а добираться домой, как и сюда, на крыше вагона. Если на небольшой станции забраться на крышу можно было без особых проблем, то на такой огромной, как Харьков, сделать это было непросто. Во-первых, здесь над вагонами везде был натянут контактный провод высокого напряжения; во-вторых, на платформе было слишком много милиционеров и забраться в промежуток между вагонами, где находилась лестница, ведущая на крышу, с платформы было рискованно. Оставался только один путь: когда тронется поезд, запрыгнуть на него с тыльной стороны, но здесь тоже могли возникнуть проблемы – доступ к нужному составу мог быть перекрыт поездом, прибывающим на соседний путь. К счастью, ребятам повезло и в этом – рельсы у соседней платформы оказались свободны, и, когда скорый «Одесса – Новосибирск» тронулся, Коля и Вовка, заранее присмотревшиеся, к какому вагону они будут цепляться, перебежали через стальные рельсы и, схватившись за поручни, ловко перебрались в пространство между вагонами. В этом пространстве, стоя на буферных тарелках и мёртвой хваткой вцепившись в лестницу, чтобы не свалиться под колёса, пацанам придётся ехать, пока над крышей вагона не исчезнут контактные провода. А потом можно будет выбраться наверх и там устроиться с комфортом, сесть на крышу спиной к ветру и, поставив

ноги на гармошку перехода между вагонами, наслаждаться пейзажами, открывающимися по обе стороны мчащегося поезда.

Вздыхнув с облегчением, что всё получилось удачно, Мишка, помахав на прощание рукой друзьям, отправился домой. На душе у него было очень тоскливо – Коля и Вовка уехали, и когда он увидится с ними, знает один бог. Кроме того, подросток понимал, что инцидент в общежитии будет иметь для него неприятные последствия, и это тоже не добавляло ему хорошего настроения.

На следующий день, в понедельник, на занятиях Мишка сидел, словно на иголках. Последняя пара подходила к концу, никто его никуда не вызывал, и он подумал: «Наверное, пронесло. Не написал докладную воспитателю». Но он ошибся. Когда прозвенел звонок, в аудиторию вошёл классный руководитель Виктор Васильевич и объявил Мишке, что его вызывает заведующий отделением. Собрав тетрадки, тот, понутив голову, отправился в учебную часть.

Заведующего отделением звали Алексей Иванович; им оказался тот седовласый председатель приёмной комиссии, что не хотел брать документы у Мишки при поступлении в техникум. Он долго с сожалением и грустью рассматривал подростка. Наконец, горестно вздохнув, сказал: «Знал я, когда принимал твои документы, что этим всё закончится. Ты мне скажи, в вашем городе все такие?» На этот вопрос Мишка, прикинувшись, что не понял, отвечать не стал, а неопределённо пожал плечами, мол, откуда мне знать. «Вот посмотри, ты учишься считанные недели, а уже от тебя столько неприятностей. А дальше что будет?» – продолжил Алексей Иванович. Подросток, потупив взгляд, опять пожал плечами, мол, откуда мне знать, что будет? «Знаешь, зачем я тебя вызвал?» – спросил заведующий. Разлепив рот, Мишка нехотя ответил: «Нет». «Знаешь, всё знаешь. Ваньку валяешь передо мной. Комедию разыгрываешь, плечиками пожимаешь. Докладную на тебя написали – безобразничаешь в общежитии: посторонних привёл, пьянку организовал, песни пели среди ночи непотребные!», – Алексей Иванович потряс лежащим перед ним листком бумаги. «Какие посторонние, какая пьянка? Кто это вам сказал? Сначала воспитатель приходил, кого-то искал – не нашёл. Теперь вы говорите. Чужих никого у нас в комнате не было, пьянки тоже. Песни пели, так мы каждый вечер поём. Что в этом плохого?» – обиженно ответил подросток. «Староста группы всё видел, а мы ему больше верим, чем тебе. Что же мне с тобой делать? Вот что, на первый раз за нарушения правил проживания в общежитии выслем тебя из него на три месяца», – взяв лежащую на столе авторучку, заведующий наложил размашистую резолюцию на докладную. «Считай, что легко отделался. В следующий раз из техникума погрём. Ты свободен, иди!»

Выйдя из кабинета, Мишка подумал: «Вот и закончилась учёба. Где жить? Снимать комнату в частном секторе нет денег, ночевать три месяца на вокзале – заберут в милицию, а значит, скорее всего ему придётся оставить учёбу и возвратиться домой». Он представил, как расстроится мама, как она будет плакать, и на его душе стало ещё тоскливей. Потом он разозлился на самого себя: «Ну, что ты распустил сопли? Нельзя опускать руки, нужно что-то делать! Ну хотя бы этому козлу-старосте начистить морду!» Приняв такое решение, подросток, сжимая кулаки, чуть ли не бегом направился к своей аудитории в надежде там застать Грицуна, но, увы, она была пуста, да и злость, пока он шёл, прошла тоже. «Будь что будет», – решил Мишка и поехал домой, в общежитие.

Выйдя из автобуса, он встретил Вовку Насача. Тот, посмотрев на его кислую физиономию, поинтересовался, что случилось. Мишка рассказал ему без утайки всю историю. На что Вовка ответил: «Не переживай, всё устроим. В нашей комнате есть свободная койка, поживёшь у нас. Не бросим тебя. Вечером перенесём твои вещи к нам, а завтра сдашь постель коменданту и скажешь, что выселился». Подошёл автобус, Насач уехал, а Мишка, обрадованный, что всё решилось так легко и быстро, радостный и весёлый, пошагал в общежитие. Жизнь продолжалась!

Глава 4

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Несмотря на то, что Мишка теперь жил в общежитии на нелегальном положении, в его жизни мало что изменилось. Комната, в которую он переселился, находилась на четвёртом этаже. Кроме Вовки Насача, в ней проживали ещё двое ребят, учившиеся с ним в одной группе. Жить с четверокурсниками было интересно; они только что приехали с производственной практики, были переполнены впечатлениями и при деньгах. У них бугрились бицепсы, на ладонях были трудовые мозоли, а лица покрывал тёмный загар, какой бывает у людей, долгое время находившихся на ветру, под ярким солнцем.

Предприятия, на которых проходили практику ребята, назывались все одинаково «Строительно-монтажный поезд» (СМП), и они отличались друг от друга только номерами. СМП входили в состав треста «Трансвязьстрой» и были разбросаны по всей территории Советского Союза. Там, где строились новые железные дороги и реконструировались старые, всегда присутствовали производственные подразделения треста. Работы по строительству железных дорог носили разъездной характер, и весь персонал таких подразделений (прорабских участков) жил в специально оборудованных жилых вагончиках (теплушках). Закончив работы на одном объекте (станции или полустанке), прорабский участок переезжал на другой. Все работающие в СМП жили кочевой жизнью; многие годами и десятилетиями вместе с детьми, семьями, перебираясь с одной стройки на другую, объездили полстраны. В вагончиках жили, влюблялись, женились, растили детей, старились и умирали. Одним такая жизнь нравилась – другим нет. Но молодым ребятам – практикантам техникума – она была по душе.

Один из новых Мишкиных соседей – Иван – невысокий плотный крепыш, работал в СМП номер двадцать девять на строительстве железной дороги в Сибири и взахлёб рассказывал о красотах этого сурового края: бескрайней тайге, непуганых зверях и птицах, обитающих в ней, кристально чистых реках и ручьях, в которых водилось много рыбы, названия которой даже Мишка, выросший на берегу речки, никогда не слышал. Кроме того, там, где работал Иван, за счёт районного коэффициента были неслыханно высокие заработки. Другой – Петя – щупленький белобрысый парнишка, проходивший практику в строительно-монтажном поезде номер восемьдесят четыре в Молдавии, участвовал в реконструкции железной дороги и с восторгом повествовал о молдавских винах, виноградниках, помидорах и красивых молдавских девушках. Конечно, заработков в Молдавии таких, как в Сибири, не было, зато можно было ежедневно есть от пуза виноград и помидоры, которые росли на колхозных полях, а абрикосы так и вообще – в лесопосадках, вдоль железной дороги. Рассказывая о прошедшей практике, они сходились в одном – обоим были по душе бродячая жизнь и вольница, царившая в СМП. Мишке с его романтическим складом характера рассказы ребят очень нравились. Слушая их, он мечтал, как сам когда-нибудь поедет далеко в Сибирь и, приехав оттуда загорелым и возмужавшим, пропитанным запахом тайги и костров, расскажет какому-нибудь зелёному первокурснику о далёких краях, о туманах, встающих в тайге над распадками, и весёлой кочевой жизни в теплушках, а тот с восторгом, заглядывая ему в рот, будет слушать.

На четвёртом этаже жили в основном четверокурсники. Фактически они считали себя уже окончившими техникум, учились последний семестр, затем преддипломная практика, написание и защита диплома. Зная, что с последнего курса отчисляют редко, большинство вели себя в общежитии, как анархисты: в комнатах был бардак, постели не застелены, в любое время суток звучала музыка, песни, жильцы играли в карты и употребляли вино. А иногда даже, в нарушение всех правил общежития, из комнат можно было услышать заразительный

девичий смех. Кто и как умудрялся проводить в общагу девчонок, оставалось большой тайной, но Мишка подозревал, что не он первый придумал использовать трубу, проходившую по стене как средство проникновения в здание.

Воспитатель и комендант хорошо знали о том, какая атмосфера царит на четвёртом этаже, но закрывали на это глаза и практически туда не поднимались, и поэтому Мишка в пределах этажа чувствовал себя вольготно. В первый же вечер, как он переселился, новые соседи-четверокурсники научили его, как проходить в общагу, не вызывая подозрение у вахтёра. Для этого нужно всегда заходить в компании с однокурсниками, а если вдруг кто-то из сидящих на вахте спросит, куда он идёт, отвечать уверенно, что им дали общее задание и выполнить его кроме как в общежитии больше нигде. А самое главное, не нарваться на воспитателя, но так как тот обычно предпочитал заниматься воспитанием нравственности по вечерам, то вероятность встретиться с ним была минимальна. Первое время Мишка, каждый раз проходя вахту, в душе переживал и боялся, что вот сейчас его не пустят в общежитие, но ничего не случилось, и уже через неделю все его волнения и тревоги прошли, и, если бы кто-то из вахтёров действительно не пропустил его в здание, он, наверное, бы очень удивился или даже возмутился. Успокоившись и обжившись на новом месте, подросток начал строить планы на будущее, и опять в голове у него возникла мысль, что нужно отыскать Лену.

Первым делом Мишка решил найти железнодорожный техникум, в котором училась девушка. Сделать это оказалось несложно; расспросив своих однокурсников, живших в Харькове, он выяснил, что тот находится почти в центре города, на улице Первой Конной армии. И в этот же день после занятий он отправился туда.

Улица Первой Конной армии, в отличие от Дмитриевской, на которой находилось Мишкино учебное заведение, оказалась шумной и пыльной, и она сразу не понравилась ему: проезжая часть занимала почти всю ширину улицы, а для прохожих оставались узенькие (не более полутора метра) тротуары; ни деревьев, ни кустов, ни газонов подросток на ней не обнаружил. Здание техникума, в котором училась Лена, тоже выглядело довольно уныло. Построенное безо всяких архитектурных излишеств из красного кирпича, потемневшего от времени, оно походило не на учебное заведение, а на производственный корпус или солдатскую казарму. Мишка поначалу даже засомневался: «Да техникум ли это?» Но, когда прочитал вывеску у входа, все его сомнения исчезли.

Потянув на себя дверь, подросток вошёл в здание. В небольшом фойе была доска объявлений, на которой висело множество бумажных листков, а рядом с ней находилось расписание занятий. Отыскав глазами группу номер тридцать шесть, в которой должна была учиться девушка, Мишка понял, что опоздал – занятия уже закончились. Но он по этому поводу особо не расстроился: главное, был сделан первый шаг – отыскал учебное заведение.

На следующий день, сбежав с последней пары, подросток снова поехал разыскивать Лену. На этот раз он прибыл вовремя, до окончания занятий оставалось десять минут. Побродив по зданию, Мишка отыскал аудиторию, в которой занималась тридцать шестая группа. Не зная, как поведёт себя девушка, когда увидит его, он решил немного понаблюдать за ней со стороны. Отойдя от входной двери аудитории метров семь-восемь, подросток, присев на подоконник, стал ожидать окончания занятий.

Через несколько минут почти над его головой, заставив вздрогнуть, раздался резкий звонок. Двери аудитории тут же распахнулись, и из неё быстрым шагом, доставая на ходу папиросы, вышли два паренька. Повернувшись лицом к окну, Мишка краем глаза наблюдал за выходящими из помещения. После некоторого затишья (видимо, ребята собирали вещи) девчонки и парни пошли группами и по одному. Мишка, видевший Лену только в форме проводника, боялся, что может её проглядеть. Но, к своему удивлению, он узнал её сразу, когда она вместе с подружкой, о чём-то оживлённо беседуя и смеясь, вышла в коридор. Увидев её, подросток оторопел, ему стало жарко, а сердце в груди застучало чаще – русоволосая, в тёмной

короткой юбочке и белой блузке, подчёркивающих её стройную фигурку, девушка выглядела очень эффектно. Подружки, увлечённые разговором, ни на кого не обращая внимания, пошли к выходу. Мишка, спохватившись, что он может их потерять, отстав от них на пять шагов, пошёл следом.

Выйдя на улицу, девчонки попрощались и, разошлись в разные стороны. Парнишка шёл за девушкой, не зная, как с ней завязать разговор; он испытывал робость перед этой, как ему казалось, незнакомой красавицей. Мишка совсем забыл, что они почти два часа сидели в служебном купе скорого поезда, пили чай, беседовали, и им было очень хорошо и уютно. Наконец, преодолев смущение, он догнал Лену и, коснувшись рукой её руки, робко сказал: «Привет, вот я тебя и нашёл!» От его касания девушка испуганно вздрогнула и повернулась к подростку. По мере того, как она узнавала его, менялось её лицо. Испуг постепенно сходил с него, а радость плеснулась в глазах, а потом в улыбке растянулись губы, и Лена воскликнула: «Миша, разве так можно? Ты же меня напугал!» На её слова парнишка, виновато улыбнувшись, ответил: «Прости, я не хотел...»

Стояло бабье лето, день был тёплый, солнечный, и они, купив мороженое, долго сидели на скамейке в сквере у реки, разговаривали о разных пустяках и смеялись без всякой причины. Им было хорошо и радостно, они забыли о времени и делах. Наконец, вспомнив, что её ждут, Лена встрепелась и заторопилась домой. Мишка проводил её на вокзал, и там, пока дожидались электрички, договорились встретиться здесь же, на вокзале, в двенадцать дня в ближайший выходной. Домой подросток летел как на крыльях, радость от встречи лилась через край: на душе было легко, а на лице сияла улыбка.

В воскресенье, отгладив брюки и рубашку, начистив до блеска ботинки, надев новый пиджак и причесав свои непокорные кудри, Мишка ровно в двенадцать часов стоял на ступеньках вокзала, ожидая Лену. Хорошо понимая, что с девушкой ездить в общественном транспорте «зайцем» неприлично, ну и, кроме того, возможно, необходимо будет перекусить и сходить в кино, а может быть, и ещё куда-нибудь, подросток, запустив руку в карман, прикидывал, шурша последней пятирублёвкой и позвякивая мелочью, достаточно ли у него на это денег.

Лена пришла неожиданно и совсем не оттуда, откуда её ждал Мишка. Пока он с тревогой и ожиданием смотрел на двери вокзала, думая, что она появится оттуда, кто-то тронул его за плечо и сказал: «Привет, ты меня ждёшь?» Первое, что увидел, повернувшись, подросток – смеющиеся серые девичьи глаза. Эти глаза искрились и излучали радость, а хозяйка этих глаз, одетая в яркое красивое платье, с дамской сумочкой в руках, была похожа на сказочную принцессу. «Лена, а я тебя оттуда жду», – Мишка махнул головой в сторону входных дверей. «Я на автобусе приехала, чтобы тебя застать врасплох», – засмеялась девушка. И продолжила: «Сегодня я устрою тебе экскурсию по городу Харьков. Ты готов?» «Всегда готов!» – ответил паренёк и дурашливо вскинул руку в пионерском приветствии. «Тогда вперёд!» – сказала Лена и, взяв Мишку за руку, потащила его вниз по ступеням.

В первую очередь они осмотрели Благовещенский собор, он был красив и огромен, позолоченные купола и кресты сияли высоко в небе. Побродив вокруг него и полюбовавшись монументальностью и красотой, зайти вовнутрь храма ребята не решились. Следующим пунктом был исторический музей, потом бродили по парку и сидели в кафе-мороженое. День катился к вечеру; нагулявшись по городу, они здорово устали, и Лена предложила сходить в кино, благо рядом был совсем недавно построенный огромный киноконцертный зал «Украина». Судя по афише, на его экране показывали нашумевший фильм «Развод по-итальянски», главную роль в котором играла замечательная итальянская киноактриса Софи Лорен. Купив самые дешёвые билеты на вечерний сеанс с местами в последнем ряду, Лена и Мишка уединились на укромной скамеечке недалеко от кинотеатра. Весь сегодняшний день, начиная с вокзала, они ходили по городу, держа друг друга за руку. Несмотря на то, что Лена была старше на два года, рука у неё была меньше Мишкиной и почти целиком пряталась в его ладони; кожа на ней была нежной, а

сама ладошка – горячей. Держа маленькую руку девушки в своей, подросток чувствовал себя большим и сильным, а Лену слабой и беззащитной, и от этого его переполняло неизвестно откуда возникшее чувство нежности.

День был выходной, а фильм интересный, поэтому зрительный зал был заполнен до последнего человека. Когда Мишка и Лена уселись на свои места, на тридцать втором последнем ряду, подросток с интересом стал осматриваться вокруг. Не бывавший ни в каком кино-театре, кроме клуба маслозавода в своём городке, он, ошарашенный грандиозностью сооружения, даже отпустил руку Лены. «Сколько же зрителей вмещается в этом зале?» – подумал Мишка. Быстренько пересчитав места в одном ряду, он в уме умножил их на количество рядов – получалось не менее полутора тысяч. Пол в зале был с наклоном, и каждый задний ряд всегда был выше переднего, поэтому впереди сидящие не закрывали своими головами экран позади сидящим, как это было в клубе маслозавода.

Когда погасили свет и на экране пошли первые кадры, то подросток от изумления и восторга открыл рот – экран был огромен, и ему показалось, что изображение с экрана переместилось в зал. Несколько минут он находился как бы в одном времени с героями фильма, потом, опомнившись и вспомнив, что рядом с ним сидит девушка, вышел из этого состояния. И ему сразу захотелось снова утопить в своей ладони маленькую и нежную ладошку Лены. Протянув руку, стараясь отыскать её пальчики, он неожиданно коснулся колена девушки и, напугавшись этого, – замер. Мишка подумал, что сейчас Лена рассердится и сбросит его руку со своего колена, но время шло, а ничего такого не происходило. Наоборот, она, как бы успокаивая, положила свою маленькую ладошку на его руку и погладила её.

Колено у девушки было гладким и прохладным; согрев его, Мишка, совсем осмелев, передвинул свою руку выше по ноге, до того места, где кончался подол платья. Лена никак не реагировала, зато сердце подростка от такой смелости билось так часто и громко, что ему казалось, будто все сидящие рядом и впереди него слышат этот стук. Он смотрел на экран, но от волнения ничего не видел. Так Мишка просидел всё кино, грея своей рукою ногу Лены, время от времени передвигая ладонь то на колено, то обратно к краю подола платья и с замиранием сердца думая, а что же там, под подолом, но так и не решался переступить эту черту. Ему хотелось, чтобы фильм не кончался; от поглаживания тела девушки у паренька замирало сердце и кружилась голова; ему хотелось, чтобы это никогда не кончалось. Но фильм закончился. Включился свет. Лена, положив свою ладошку в Мишкину ладонь, поднялась с места, и они пошли к выходу.

Время приближалось к девяти, на улице было темно, и Мишка твёрдо решил, что как настоящий джентльмен он должен проводить даму до самого дома. Ну и, конечно, ему очень хотелось посмотреть, где живёт Лена. Судя по её словам, это был не пригород Харькова, а его окраина – посёлок под названием Минутка. Добраться до посёлка можно было автобусом или электричкой. Лена сказала, что лучше ехать электричкой, и они отправились на вокзал.

Народу в вагоне было мало, и ребята удобно расположившись на скамейке и, держась за руки, смотрели, как за окном мелькают огни полустанков, переездов и уличных фонарей. Ехали недолго, наверное, минут пятнадцать. Когда поезд стал подъезжать к нужной остановке, по каким-то известным только ей приметам, Лена встала и, увлекая за собой Мишку, пошла к выходу.

Это была не станция, даже не полустанок и не разъезд, а просто железнодорожная платформа: неширокий заасфальтированный перрон, навес от дождя и редкие тусклые фонари уличного освещения. По обе стороны от железнодорожных путей стояли частные домики, почти такие же, как на Монастырке. Вдаль от платформы уходила слабоосвещённая пустынная улица. «Нам сюда», – Лена, не отпуская Мишкину руку, спустившись с перрона, повела его по этой улице. «Я здесь недалеко живу. Первый переулок направо, и сразу мой дом», – негромко сказала она. А потом неожиданно для Мишки попросила: «Обними меня, я продрогла». И хотя

подросток сам мечтал об этом, услышав такую просьбу, он растерялся, а девушка, видя, что её просьба смутила Мишку, сама прижалась к нему и положила его руку на свою талию. Сердце парнишки, немного успокоившееся после кинотеатра, вновь застучало быстро и громко.

Дом, где жила Лена, действительно был совсем недалеко от железной дороги, что очень огорчило Мишку, ему так нравилось нежно держать за талию девушку, ощущать рядом с собой её тёплое тело, слышать, как стучит сердечко, и вдыхать неповторимый аромат её волос, что он был готов идти рядом с Леной всю ночь. Да что там всю ночь, всю жизнь! Когда они остановились у калитки, девушка, не освобождаясь из объятий паренька, повернулась к нему лицом и сказала: «Ну вот мы и пришли. Будем прощаться», – и она потянулась губами к Мишкиным губам. Тот, никогда не целовавшийся с девчонками, неумело ткнулся в её открытые губы. Поцелуя не получилось, и тогда Лена, обвив его руками за шею, крепко прильнула к губам подростка. Её губы были горячие, влажные и, как Мишке показалось, чуть солёные. Его сердце застучало ещё чаще, кровь быстрее побежала по жилам, а в голове зашумело, как после выпитого стакана вина; он непроизвольно обнял девушку и крепко прижал к себе. Затем, подражая ей, раскрыв свои губы, долгим поцелуем впился в её уста. Через тонкую ткань платья он чувствовал, как касались его тела небольшие, но крепкие груди девушки, и это ещё больше туманило ему голову и заставляло забывать обо всём. Ради продолжения этого непередаваемого состояния он готов был на любое безрассудство. Но Лена, видимо, осознавая, чем всё может закончиться, оторвавшись от него, прошептала: «Довольно. Поздно уже, тебе нужно ехать домой. Пока. До встречи!» И, открыв калитку, зашла во двор. Постояв ещё немного у дома, в надежде увидеть напоследок в окне хотя бы её тень, но так и не дождавшись этого, Мишка пошёл на электричку.

В приподнятом настроении он вышел из переулочка на освещённую улицу и, когда уже был на полпути до платформы, вдруг увидел под дальним фонарём идущих ему навстречу и показывающихся из стороны в сторону две фигуры. «Шпана пьяная. Точно, ко мне прискребутся. И назад не уйдёшь, они наверняка заметили – догонят. Эх, зря я финку не взял!» – подумал он. Но нужно было что-то делать, и, оглядевшись по сторонам, подросток обнаружил, что дом, у которого он стоит, огорожен палисадником. Подойдя к нему, он стал тихонечко дёргать за штакетины, ища ту, которая была плохо прибита. Подёргав, наверное, штук десять и обнаружив такую, Мишка, стараясь не шуметь, оторвал её от изгороди, ногой загнул гвозди и, зажав в руке, затаился, прижавшись к палисаднику. «Может, не заметили меня, мимо пройдут», – как последняя надежда промелькнула в голове мысль.

Две тёмные фигуры, размахивая руками, шатаясь из стороны в сторону и громко матерясь, приближались всё ближе и ближе и наконец вышли в жёлтый круг фонаря, и Мишка смог хорошо рассмотреть их. Один из них был высокий и крепкий детина лет восемнадцати, второй – шуплый среднего роста и, скорее всего, Мишкин ровесник. Парни были крепко выпивши и явно искали приключений. Ещё не дойдя до дома, у которого стоял подросток, шуплый сказал: «Смотри, Утюг, фрайер спрятался. Думает, мы не видим его. Эй, фрайерок, закурить есть?» «Клоп, зачем ты у него спрашиваешь? Мы сейчас сами проверим, что есть в его карманах!» – сиплым голосом, явно красуясь перед младшим товарищем, ответил детина. «Сейчас подойдут поближе, надо бить Утюга и рвать, куда они не очухались», – дрожа весь от напряжения, думал Мишка. Но, кроме всего прочего, он понимал: чтобы не вызвать у шпаны подозрения, нужно прикинуться напуганной овцой. Срывающимся от волнения голосом подросток ответил: «Пацаны, я не курю. У меня тётка болеет, в аптеку послала за лекарствами. Отпустите меня». «Слышал, Клоп, его в аптеку послали, значит, у него есть денежки. Сам отдашь, или тебя трясти нужно, как Буратино?» – Утюг и Клоп громко засмеялись. Расстояние между ними и Мишкой было уже не более двух метров. «Надо бить, а то будет поздно!» – покрепче сжав обеими руками штакетину, подумал он. Размахнувшись, парнишка что было сил ударил Утюга по правому плечу, тот, заскулив от боли, завертелся на месте. «Ключицу, наверное, перебил»,

– промелькнула у Мишки в голове мысль. Клоп, не ожидавший такого, ошарашенный случившимся, растерянно смотрел на своего кореша. Хорошо усвоив жестокие уличные законы, что врага, пока он не опомнился, нужно без жалости добивать, подросток, размахнувшись, врезал штукетиной Клопа по спине; тот упал на землю. Не теряя времени и не обращая внимания на скулящую шпану, паренёк со всех ног побежал к платформе. На его счастье, к ней приближалась электричка. Выбросив на перроне своё оружие, Мишка в последнюю секунду заскочил в тамбур.

В вагоне электрички не было ни одного человека; откинувшись на спинку жёсткого сиденья, подросток перевёл дух. От прекрасного настроения, в котором он пребывал после встречи с Леной, не осталось даже следа, внутри у него всё дрожало, со лба стекал пот и очень хотелось курить. Немного успокоившись, он вышел в тамбур и, с трудом достав дрожащими пальцами папироску, закурил.

В общежитии, куда он уже добрался за полночь, двери были закрыты изнутри. Стуча костяшками пальцев по ним, он с тревогой думал: «Только бы не Абвер дежурил сегодня. Он не пустит. Только бы не Абвер». Дверь открылась, на пороге стояла пожилая женщина в очках, в руках у неё был недовязанный шерстяной носок, Мишка с облегчением вздохнул: «Слава богу!» Эту женщину все пацаны звали тётя Галя, и она была добрейшей души человек среди вахтёров. «Заходи, полуношник», – сказала она. Проскользнув мимо неё, парнишка стремглав избежал на четвёртый этаж.

Незаметно пролетел сентябрь и октябрь, неумолимо приближался праздник Седьмое ноября. Праздник совпадал с выходным, и Мишка с Юркой на эти дни запланировали поездку домой. Но перед самым праздником, после окончания занятий, в аудиторию зашёл Виктор Васильевич и строго-настрого предупредил своих подопечных, что, если кто не придёт на праздничную демонстрацию без веской причины, будет лишен стипендии до конца семестра. От такого сообщения пацаны заскучили. Нужно было что-то делать. «А что является веской причиной?» – спросил Мишка у классного руководителя. «Смерть или болезнь, подтверждённая официальным документом», – по-солдатски чётко ответил тот. Лишаться стипендии не хотелось, умирать тоже, а съездить домой нужно было позарез, и друзья стали ломать голову, как можно было, не заболев, получить справку о болезни. В конце концов пришли к выводу, что легче всего симулировать простуду. Проконсультировавшись с четверокурсниками, Юрка и Мишка поняли; обмануть врача можно, нужно только постараться. Чтобы горло выглядело воспалённым, нужно перед врачебным приёмом съесть не менее трёх порций мороженого, а чтобы градусник показал повышенную температуру тела, необходимо натереть перцем под мышкой или при измерении постучать по градуснику пальцем.

Поликлиника Южной железной дороги, обслуживающая учащихся Мишкиного техникума, находилась вблизи вокзала и была похожа на тюрьму. Огромное серое здание одним своим видом нагнетало на пациентов тоску и заставляло вспомнить о бренности жизни. Врач-терапевт, принимавший учащихся, находился в подростковом кабинете. Получив талончики в регистратуре и съев по три порции мороженого, а также натерев в туалете поликлиники свои подмышки красным перцем, пацаны терпеливо сидели в коридоре, ожидая своей очереди на приём. Первого пригласили Юрку, через десять минут, радостно улыбаясь и размахивая справкой об освобождении от занятий, он выскочил от врача. Следом за ним зашёл Мишка. В кабинете находились врач и медсестра. Врач, полная женщина с добрыми, как у коровы глазами, спросила, на что жалуется подросток. Тот ответил, что болит голова, горло и кашель. Пока он рассказывал, доктор согласно кивала головой, затем, надев на глаз какой-то окуляр, попросила пошире открыть рот и, прижав язык специальной ложкой, долго рассматривала горло. После этого паренька увела в смежную комнату медсестры. Стряхнув градусник, она велела поставить его под мышку и, убедившись, что Мишка выполнил её распоряжение, ушла к врачу.

Сидеть с градусником под мышкой было скучно, и паренёк начал осматриваться вокруг. Собственно, рассматривать было особо нечего: медицинский топчан, стол и два стула – вот и всё, что находилось в кабинете. Но вдруг его скучающий взгляд остановился на столе, и сердце тревожно забилося – в маленькой серенькой коробочке лежали незаполненные, но проштампованные печатями бланки медицинских справок. Это была такая удача! Оглядевшись вокруг и не заметив ничего подозрительного, подросток протянул руку к стопке справок и, отделив от неё четвертую часть, торопливо спрятал бланки в карман. После этого он перевёл дух.

Когда через некоторое время в комнату вошла медсестра, Мишка со скучающим видом протянул ей градусник, вынутый из подмышки. Та, посмотрев на него, сказала врачу: «Тридцать шесть и семь». «И горло чистое», – ответила врач. «Молодой человек, вы, скорее всего, переутомились. Вам отдохнуть нужно», – добавила она. Не солоно хлебавши подросток вышел из кабинета.

Вечером в общежитии он, поглядывая на лежащую перед ним настоящую справку, полученную Юркой, старательно, высунув язык, писал себе освобождение от учёбы по болезни на чистом бланке. Справка получилась не хуже, чем у друга.

А уже шестого ноября пацаны, взяв билеты до ближайшей остановки, станции Чугуев, садились в плацкартный вагон скорого поезда «Харьков – Владивосток», и через четыре часа они, добравшись без приключений до своего городка, сошли на Сортировке. А ещё через тридцать минут Мишка стучался в двери своего родного дома. Мама, открыв двери, увидев его, заплакала: «Сынок, наконец-то ты приехал». После этих слов глаза у Мишки тоже сделались влажными, и он обнял маму. Жизнь продолжалась.

Глава 5

УЧЕБНЫЕ БУДНИ

За три месяца жизни в Харькове Мишка окончательно привык к большому городу. Он уже не чувствовал себя в нём песчинкой, принесённой ветром в каменные джунгли. Подросток научился довольно хорошо ориентироваться в центральной части, где он часто бывал. А когда познакомился и подружился с учившимися вместе с ним и жившими на Холодной горе харьковскими ребятами Игорем и Володей, то ещё лучше узнал город, его улицы, скверы, парки и проходные дворы. Холодная гора была знаменита тем, что на её территории стояла тюрьма. Построенная ещё во времена Екатерины Второй, она представляла собой огромное серое здание с зарешёченными окнами, огороженное высоким забором, поверх которого в несколько рядов была натянута колючая проволока. Может быть, в связи с этим, а может, по другим причинам этот район имел дурную славу, и жители города старались особенно в тёмное время обходить его стороной.

На приезжих, учившихся с ними, в том числе и на Мишку, холодногорские пацаны смотрели свысока, но, когда узнали, что подростка выгнали из общежития за хулиганство, отношение к нему изменилось в лучшую сторону, и как-то незаметно они подружились, а подружившись, иногда вечерами стали вместе бродить по городу, ища, приключений на свою голову.

За делами и заботами незаметно прошла осень. Нужно было думать о зимней одежде, не ходить же по Харькову в потёртой стёганой телогрейке. Мишка знал, что на покупку нового пальто у мамы нет денег, а как выйти из этого положения, ничего придумать не мог. Найти деньги, по его мнению, можно было тремя способами: заработать, выиграть в карты или украсть. Но заработать было негде, выиграть – не у кого, а воровать не хотелось. Но не зря говорят, что голь на выдумки хитра, и мама со старшей сестрой Тamarой нашли выход – решили сшить Мишке зимнюю одежду из старого пальто мужа сестры – Николая. Драп, перевернутый лицом вниз (перелицованный), выглядел ничуть не хуже нового, и Мишка теперь щеголял в элегантном коричневом драповом пальто. Шарф, шапку и кожаные перчатки он, получив стипендию, купил сам, а зимние, почти новые ботинки ему достались по наследству от ушедшего осенью на службу в армию брата Коли. При выходе из общежития, оглядывая себя в зеркало, стоящее в вестибюле, подросток всякий раз оставался доволен своим внешним видом. На него из зеркала смотрел элегантно одетый стройный улыбающийся и не по годам широкоплечий молодой человек, его чёрные ботинки были до блеска начищены, брюки тщательно отглажены, а из-под чёрной мутоновой шапки выбивались тёмно-русые кудри. В смеющихся голубых глазах молодого человека одновременно читались наивность и дерзость.

С Леной после первого свидания Мишка встречался ещё несколько раз. Связаться по телефону друг с другом у них не получалось; Мишка жил на нелегальном положении, и звонить ему в общежитие было нельзя, а когда сам пытался несколько раз позвонить Лене домой – трубку всегда снимал кто-нибудь из родителей, и подросток, услышав чужой голос, сразу давал отбой. Не дозвонившись, он решился на испытанный способ – поехать на улицу Первой Конной и встретить девушку на остановке или в вестибюле техникума. Каждая такая поездка заканчивалась свиданием. Лена искренне радовалась приезду Мишки, удивлялась, почему он не звонил ей, а потом, брала под ручку и они, пока было тепло на улице, шли куда-нибудь в парк или сквер, подальше от посторонних глаз. И там, усевшись на скамейку, целовались до головокружения. Паренёк уже не думал о том, что девушка может обидеться на него за то, что он коснулся её ноги или груди, он давно понял, что ей это приятно, так же, как и ему.

Когда стало холодать и в парках осыпались листья, они брали билеты в кино на любой сеанс, но обязательно на последний ряд, и в темноте кинозала целовались, целовались и целовались. Лена позволяла Мишкиным рукам совершать путешествие по всем укромным местам её тела, и он, не стесняясь, мямлил её небольшие, тугие, как мячик, груди, забираясь под подол платья и даже, оттянув резинку трусиков, запускал руку туда, куда запускать её до свадьбы было непозволительно. Мишке хотелось уже чего-то большего в отношениях с девушкой; мало того, он чувствовал, что ей хотелось этого тоже. Но на улице было предзимье, дул холодный пронизывающий ветер, срывался снег – условий для дальнейшего развития отношений не было.

Помня свою встречу со шпаной, когда он в первый раз провожал Лену, и сделав из неё выводы, Мишка решил больше не рисковать. Первым делом он изготовил из старой дерматиновой сумки чехол для финки. И теперь, отправляясь на свидание с Леной, засовывал в него финку и приматывал её резинкой от старых трусов к щиколотке правой ноги. Конечно, ходить с ножом, прикрученным к ноге, было не совсем удобно, но он придавал ему уверенность и позволял в любой ситуации постоять за себя и свою девушку. Финка была так ловко спрятана под штаниной, что никому, включая Лену, не могло прийти в голову, что на щиколотке правой ноги у Мишки находится опасное оружие. Если свидание затягивалось до темноты, то паренёк, невзирая на опасности, каждый раз провожал девушку до дома. Возле её дома они долго прощались с поцелуями и обниманием. Мишка уходил от Лены в приподнятом настроении: его душа пела, часто стучало сердце, а сам он был готов на любые подвиги и свершения. Но, выходя на освещённую улицу и вспоминая встречу со шпаной, настораживался, разум брал верх над чувствами, и паренёк, стараясь не выходить на свет, двигался к платформе. Но, к счастью, больше никаких неприятных встреч на этом отрезке пути у него не случалось.

Учёба в техникуме, как и в школе, давалась Мишке легко; единственным предметом, который поначалу раздражал его (да и не только его), был украинский язык и литература. Подросток, как и многие его товарищи, считал украинский исковерканным русским языком и, зачем его учить, не понимал. В Харькове все разговаривали на русском, а на украинском были только вывески и названия магазинов, да и то не все. Но делать было нечего, и Мишке приходилось терпеливо, день за днём, постигать украинскую мову: знакомиться с творчеством украинских писателей и поэтов и даже заучивать наизусть их стихи.

Преподавала мову настоящая украинка: красивая крупная женщина средних лет с копной пышных волос на голове, огромной грудью и певучим голосом. Она, конечно, понимала, что учащимся, которые не учили её предмет в школе, выучить незнакомый, хоть и родственный язык за один учебный год сложно, а уж если у них нет желания учить, то попросту невозможно. Кроме того, она знала, что большинство её учеников разъедутся по разным уголкам Союза и, скорее всего, больше никогда не попадут на Украину, а раз так, то и знание украинского языка им ни к чему. Поэтому к учащимся она относилась снисходительно и многое прощала, особенно тем, кто до этого украинский язык не учил.

Ребята быстро поняли, что строго спрашивать с них никто не собирается, и пользовались этим на всю катушку. На её уроках всегда было весело. Парни и девушки от души смеялись над собой и друг другом, когда произносили какие-нибудь смешные с их точки зрения слова, например, перевод известных строк великого русского поэта: «Златая цепь на дубе том, и днём, и ночью кот учёный всё ходит по цепи кругом» по-украински звучал так: «И золотой ланцюг на ним, и дэнь, и ничь там кит вучений на ланцюгу кружляя тим». Услышав такой перевод, вся группа заходилась от смеха. Частенько самые дерзкие из пацанов, чтобы посмеяться, процитировали преподавателя на перевод с русского на украинский тех слов или словосочетаний, что по-украински звучали для русского уха смешно или неприлично, к примеру, «кошей бес-смертный» по-украински был «чахлик нэвмэрущий», «мишка косолапый» – «вэдмэдык клыш-поногий», «вертолёт» – «гвынтокрыл», а «чайник» – «пысьюнец». Преподаватель смущалась, краснела, но переводила, а вся группа от души хохотала. В конце концов уроки украинского

языка Мишку раздражать перестали и даже начали нравиться. Единственное, что ему хотелось, это попросить украинку перевести лозунг, который печатали на шапке каждой газеты: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Перевод этого лозунга он услышал от Игоря, когда они курили в мужском туалете; звучал он так: «Голодранци усих краин, до кучи гоп!» Но подросток боялся, что после этого вопроса его точно выпрут из техникума.

Интересными оказались уроки черчения, вернее не уроки, а преподаватель черчения. Невысокий картавый с вьющимися седыми волосами, похожий на еврея, мужичок с русской фамилией Горбачёв. Говорил он всегда тихо, монотонно, и всякий раз, когда кто-то из учащихся повышал свой голос, делал ему своеобразное замечание: «Молодой человек, ваш голос сильный, но довольно противный, поэтому, если можно, говорите тише». За безграничную любовь к кисломолочным продуктам с незапамятных времён к нему прилипло прозвище Кефир, и все учащиеся за глаза звали его только так. На первом же уроке, представившись учащимся, Кефир спросил: «Знаете, почему я не люблю ходить в кино?» Ребята, переглянувшись, недоумённо пожали плечами. «Не знаем», – послышались несмелые голоса. «Сейчас расскажу. Пошёл я однажды в кинотеатр на дневной сеанс. Сел на своё место, смотрю – позади меня расположились два подростка вашего возраста. Не успели погасить свет, как они, положив ноги на спинку моего кресла, закурили. Я, конечно, сделал замечание: «Молодые люди, класть ноги на спинку кресла, а тем более курить, в кинотеатре неприлично». Один из них, выпустив мне в лицо струю дыма, ответил: «Скажи спасибо, что не положили тебе на голову!» Второй, засмеявшись, тоже выпустил дым мне в лицо. Понимая, что до конца фильма они могут положить мне свои ноги на голову, я сказал “спасибо” и вышел из зала. С тех пор я в кино больше не хожу. И ещё, я после этого случая перестал любить подростков вашего возраста. Уж вы не обессудьте, спрашивать с вас за всё буду строго». И действительно, он не делал ни для кого скидок и поблажек, взять хотя бы вот этот случай.

Однажды комсорг группы Воронцов не смог уместить свою графскую фамилию в угловом штампе чертежа, у него не вошла в рамочку всего лишь одна последняя буква «в». Стереть и написать заново комсорг не захотел и, в надежде, что Кефир не заметит этой ошибки, сдал свой чертёж на проверку. На следующий день преподаватель черчения, зайдя в аудиторию, долго молча рассматривал своими чёрными и печальными глазами сидящих перед ним ребят. Это было необычно, и все, кто сидел в аудитории, насторожились. Наконец, выдержав определённую паузу, Кефир спросил: «Знаете, почему я так пристально разглядываю вас? Вот пытаюсь понять, кто же из вас итальянец... Да, да, в вашей группе появился итальянец, и я вам сейчас это докажу», – он развернул перед собой лист ватмана с чертежом. «Смотрите, что здесь написано: “Чертил учащийся группы двенадцать “ПС” Воронцо... Только в итальянском языке фамилии имеют окончание “цо”. Я спрашиваю, кто из вас итальянец?» Аудитория взорвалась смехом, и все, включая Кефира, посмотрели на комсорга. Бедный Воронцов опустил глаза и, сгорая от стыда, покраснел как рак. После этого случая, с лёгкой руки Кефира, все стали называть комсорга Итальянец.

Неумолимо надвигался Новый год, а за ним зимние каникулы. Экзаменов после первого семестра не было, а зачёты Мишка сдал все в срок, на душе у него было радостно: во-первых – впереди было десять дней отдыха, а во-вторых – можно было не переживать за стипендию – до конца года он будет получать её регулярно, а в-третьих, и это скорее всего было самое главное, – после каникул закончится срок наказания, и он сможет на законных основаниях заселиться в общежитие. В таком радостно-приподнятом настроении он и приехал домой.

На Монастырке зимой было скучно, многих друзей, как брата Колю, забрали служить в армию. Другие, как например Юрка Фриц, уехали учиться на Донбасс. Зима стояла необычно морозная – на улицу лишней раз выходить не хотелось, и Мишка почти всё время проводил дома у печки за чтением книг, чему не могла нарадоваться мама. Уже через неделю он заскучал по Харькову, по шумному общежитию и даже в какой-то мере по учёбе. Но всё когда-нибудь

кончается, закончились и каникулы; и они с Юркой, нагрузившись мешками и сумками с продуктами, снова поехали в Харьков.

Заселение в общежитие прошло без сучка и задоринки: получив у коменданта постельное бельё и одеяло, Мишка перенёс свои вещи с четвёртого этажа на второй. Расставание с четверокурсниками было своевременным. Для них этот семестр был последний – ребята разъезжались на преддипломную практику. Купив бутылку вина, колбасы и сырков, подросток вечером пришёл поблагодарить своих благодетелей за помощь в тяжёлую минуту. Прощание получилось тёплым и душевным: растроганные старшие товарищи подарили ему старенький ламповый радиоприёмник и две толстые похожие на удочки бамбуковые палки. Приёмник Мишка принял с благодарностью, а от палок отказался, сказав, что удочки ему не нужны. Услышав такой ответ, ребята дружно засмеялись, а Вовка Насач сказал: «Ты прав – это удочка, только ей можно ловить другую рыбу. Вот смотри», – он соединил палки при помощи латунного кольца, получился бамбуковый шест длиной три-три с половиной метра, на одном его конце был крючок из толстой проволоки. «Зимой, когда нет совсем денег и продуктов, до стипендии ещё далеко, а есть хочется, вот тогда с этой удочкой можно пойти порыбачить к женскому общежитию. Девчонки, они запасливые. У них всегда есть чем поживиться. Привезут из дома, допустим, мясо, сало или курочку, уточку, а чтобы не испортилась, куда девать? Правильно, в авоську и на улицу, за окно повесить, а тут ты с удочкой. Подошёл, снял и ходу. Забирай, тебе ещё долго учиться – пригодится и не один раз». На том они и расстались – ребята на следующий день разъехались по местам прохождения практики.

И хотя деньги и продукты у пацанов были, «удочку» решили опробовать уже на следующей неделе. Женское общежитие было совсем недалеко – две автобусных остановки. И вечером Мишка, Юрка и Серёга отправились к нему «порыбачить».

Стоял лёгкий морозец, дорога была знакомой, и через полчаса они были у общаги. Зайдя с тыльной стороны, ребята пошли вдоль здания, внимательно высматривая, из каких окошек свешиваются авоськи с продуктами. На первом этаже ничего не было, а вот рядом с каждой форточкой второго и третьего висели туго набитые мясными деликатесами сетки. «Рыбалка» обещала быть удачной, жаль только, что длина «удочки» позволяла ловить не выше второго этажа.

Пройдя вдоль стены от угла до угла и осмотрев весь возможный «улов», подростки, посоветовавшись, решили попробовать снять увесистую авоську с окошка второго этажа в середине здания. Благо – свет в этом окне не горел, а значит, хозяев либо не было дома, либо они уже спали, что было на руку «рыболовам».

Чтобы было всё по справедливости, бросили жребий, кому «рыбачить» – спичку с отломанной головкой вытащил Мишка. Он взял в руки бамбуковый шест, а Серёга и Юрка разошлись по углам здания стоять на «атасе». Подняв удочку, подросток попробовал крючком осторожно подцепить сетку с продуктами. Но с первого раза это ему не удалось – авоська была крепко примотана к забитому в оконную раму гвоздю. Мишка, осторожно поворачивая «удочку», пробовал и так, и этак снять добычу с гвоздя, но это не получалось. Разозлившись, он решил сорвать сетку и, зацепив крючком, стал дёргать её вниз. Сначала подросток делал это осторожно, а потом, увлечшись, усилил рывки. От этого сетка с продуктами качалась и стучала в оконную раму, но Мишка, не обращая на это внимание, продолжал дёргать. Внезапно форточка на втором этаже открылась, и из неё высунулась взлохмаченная женская голова – Мишка узнал учившуюся вместе с ним в одной группе Любу Ковалёву. Увидев её, он от неожиданности резко дёрнул вниз «удочку», и... о счастье – авоська сорвалась с гвоздя и с глухим стуком упала в сугроб. Одновременно с этим стуком подросток услышал, как со стороны, где стоял Юрка, раздался крик: «Атас, пацаны, рвём когти!» Времени на раздумье не было, и Мишка, вжав голову в плечи, чтобы его не узнала Люба, одной рукой схватив добычу, а другой шест, помчался в темноту улиц частного сектора Холодной горы. Впереди его стремглав неслись

Юрка и Серёга. Держа в одной руке «удочку», а в другой авоську с продуктами, бежать было тяжело, и подросток метров через сто пятьдесят, прислушавшись и поняв, что за ними никто не гонится, остановился.

Домой возвращались радостные и возбуждённые. Всю дорогу пацаны по очереди ощупывали добычу, пытаясь понять, что они «наловили». Развернув в Юркиной комнате свёрток, ребята обнаружили в ней домашнюю курицу, большой шмат (килограмма два) сала и говяжьё мясную косточку на суп. Курица была янтарной и круглой, а сало розовым и с прослойками мяса – такое любил Мишка. Отрезав от сала кусок, чтобы нажарить картошки, остальную добычу ребята, завернув в бумагу и сложив в сетку-авоську, повесили на гвоздь за окно. А ещё через полчаса пацаны с аппетитом уминали за обе щёки картошечку на сале и со смехом вспоминали недавние приключения.

На следующий день Люба Ковалёва жаловалось всем в группе (в том числе и Мишке), что её вчера обокрали в общежитии. Она рассказывала, что холодногорские воры украли у неё гуся, свиную копчёную ногу и два килограмма пельменей, и она якобы видела того, кто срывал авоську с окна. Ростом он был выше среднего, полный и очень похож на Платонова Сашу, учившегося в параллельной группе и проживавшего на Холодной горе.

Мишке Люба нравилась, и ему её было до слёз жалко – он смотрел ей в глаза невинным взглядом, сочувственно качал головой и возмущался произошедшим. И даже предложил с ней поделиться салом, которое он привёз из дома, но Люба отказалась.

Во втором семестре, кроме теоретических занятий, в учебном плане была практика в производственных мастерских, расположенных во дворе техникума. Там прививали учащимся общие навыки работы токарей, кузнецов и сварщиков. Начальство считало, что в связи с оторванностью прорабских участков мастера или прорабы, кем в перспективе могут стать ребята, должны иметь хотя бы первичные знания по этим специальностям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.